

Алексей Анатольевич Трофимов

Ладья-УТ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31189537

SelfPub; 2018

Аннотация

С Александром Тимофеевым (бывшим военным, оказавшимся в США) вступает в контакт американская спецслужба. Уклоняясь от сотрудничества, Александр оказывается втянутым в противостояние российской разведки, стремящейся добыть секреты нового американского аэрокосмического самолёта, и китайских спецслужб, пытающихся взять реванш за гибель своего агента в Москве.

Ладья-УТ

Солт-Лейк-Сити, Юта / Москва, Россия. 2010-2011

Посвящается сорокалетним, которые мальчишками хотели стать подводниками или разведчиками, а выросли бухгалтерами или таксистами.

Но в сорок лет жизнь только начинается...

Действующие лица, события, а также описание операций, процедур и технологий спецслужб является вымыслом автора.

Любые совпадения – случайны.

А.Т.

01. Звонок

Саша придерживал на плече заснувшего Нику, а свободной рукой пытался открыть дверь дома. Лампочка над входом горела исправно, но направлена была на дорогу, чтобы освещать оставляемую там на ночь машину, отпугивая потенциальных «плохих ребят». В результате свет лупил почти в глаза, а а вот скважина замка оставалась в тени, и бороться с замком у Саши получалось плохо.

– Помочь? – жена Катя и дочка Натаха наконец-то забрали пакеты с покупками, захлопнули багажник, и теперь демонстрировали желание попасть в родные стены. На пути у желаний стоял неуклюжий супруг и папаня. Саша засопел, и уже совсем приготовился ответить тирадой про то что у кого-то в руках пакетики со шмотками, а у кого-то, напротив, упитанный сынуля Колян, да и вообще, шоппинг – раз-

влечение далеко не для всех, отнюдь, для некоторых это как раз – неприятная обязанность, однако сдержался. У всех был длинный день, все устали, не погрызлись в процессе запланированного «семейного вечера» – уже супер. Тем более что ключ очень вовремя попал-таки куда следовало, и Саша, стараясь не скрипеть старыми половицами, понёс Колю в детскую.

Уложив сына, Александр направился обратно в прихожую – надо было ещё сменить ботинки на тапочки, закрыть машину, и поставить жирную точку в этом длинном и бестолковом вечере, заперев дверь на ночь, да ещё щёлкнув замком погромче. Так, чтобы домочадцы щелчок услышали, и прониклись пониманием что их мирный сон надёжно защищён несокрушимой сталью, инженерным совершенством, и всем остальным, что в детстве позволяет верить что всё чужое осталось снаружи, а всё своё – в абсолютной безопасности.

Проходя через кухню, где женская составляющая семьи разбирали покупки, и мимоходом позавидовав умению прекрасной половины человечества делаться счастливыми от приобретения всякой фигни, Саша шёпотом приказал дочке-Наташке:

– Красавица, чистить зубы, и – отбой!

Видя, как просительное выражение пополам с показательной дочерней преданности проявляется на лице маленькой хитрюги, Саша заранее сдвинул брови построже, да ещё и

прищурился, чтоб знала мелкая бестия, что папа её видит насквозь. Видит насквозь, да ещё и знает не только о том что она думает сейчас, но и о чём она собирается подумать в ближайший месяц или два. Впрочем, а ведь и правда знает. Наверняка сейчас последует поток фраз о том, что Наташа была образцом послушания, в то время как по Диснеевскому каналу именно сейчас будут показывать Хану Монтану, причём как раз самую интересную-преинтересную серию. И ведь посмотреть эту серию позже не удастся никогда-никогда, потому что надо будет делать уроки, и смотреть за любимым и безвозмездно (заметьте, папаня: безвозмездно!) опекаемым братом.

Наташа пока была, как это тут называется «пре-тин», но чрезвычайно быстро теряла приставку «пре», превращаясь в самое несносное на свете существо – в тинейджера. Лет десять назад, когда Саша только начал работать в Америке, один из его первых местных боссов очень забавно объяснял феномен тинейджерства. Босс по вероисповеданию был мормоном, и, соответственно, (как это у них принято) являлся счастливым обладателем огромного выводка детей, младший из которых учился ходить, а старший уже успел родить парочку собственных, так что опыта общения с тинэйджерами боссу было не занимать.

– Когда дети вырастают и покидают родительский дом, – говорил босс с видом пророка, обретшего истину, и теперь просвещающего заблудшую паству. – родителям все-

гда больно, и наш Отец Небесный, зная об этом, сделал подросших детей тинейджерами. Теперь родители вместо боли утраты чувствуют радость и облегчение от того что эти ужасные создания наконец-то уберутся подальше, и оставят родителей в покое.

Наташа ужасным созданием ещё не стала, но успешно над этим работала, прогрессировала не по дням а по часам, периодически ведя свои маленькие войны за независимость. Верней, это пока ещё были не войны, это были, пожалуй скорее разведки боем – Наташа гнула свою линию, пока не наткнулась на активное противодействие родителей, но в открытые конфронтации почти не лезла. Очевидно, «пока» не лезла – выявляла неприкрытые стыки в обороне. Вычисляла где у родителей система связи хромает, где наблюдение подкачало, где предки готовы стоять насмерть, а где готовы откатиться на вторую линию обороны. В общем, рисовала наверное в уме на картах всякие стрелочки и пунктирчики, готовилась к кровавому тинейджерскому блицкригу, который наверняка грянет через пару лет, когда гормоны разыграют, и захочется девушке настоящей, всамделишной, взрослой свободы. Но это будет после, а сейчас Саша готовился решительно отразить попытку заменить немедленный отход ко сну просмотром телевизора. Однако Наташа закрыла рот, и кивнула Саше за спину, сменив умоляющую гримасу на верноподданически-выжидательную.

На всякий случай не стирая с лица непреклонного роди-

тельского выражения, Саша проследил её взгляд – телефон на стене помигивал цифрой «два», извещая о наличии сообщений в памяти автоответчика. Ай да хитрая бестия, ай да манипуляторша! Уже научилась правилу «если сейчас вопрос явно решится не в твою пользу, его решение нужно перенести на потом». В данный момент папаня гонит спать – так пусть отвлечётся, проверит сообщения, а уже после можно будет поторговаться заново, «с чистого листа». Хитра, чертовка! Саша внутренне подмигнул сам себе – он, как и все мужчины, считал все успехи дочери прямым следствием собственных действий, а неудачи, напротив, результатом халатности всех прочих. Сейчас теоретический успех был налицо, а вот практическому дать развиваться Саша вообще не собирался. Не меняя сурового выражения лица, Александр для убедительности поднял указующий перст и молча устремил его в направлении умывальника. Наташка набросила на лицо выражение Матери Терезы, обвинённой в краже хлеба у голодающих детей, гордо вскинула голову, и ушла в ванную комнату, расчётливо хлопнув дверью. Дверь столкнулась с косяком достаточно отчётливо чтобы окружающий мир узнал о страданиях Наташиной несправедливо оскорблённой души, но недостаточно громко для того, чтобы дать повод наказать Наташу за хамство. В общем, примерно молодец, правильная стервочка подрастает, уважает её, и уважает.

Саша повернулся и нажал кнопку на автоответчике. На

продолговатом тёмном дисплее красные палочки высветили номер, первые три цифры, код местности, были узнаваемые – Нью-Йорк. Профессионально-усталый женский голос по-русски с одесским акцентом начал скороговоркой, почти без пауз между словами:

– Это звонок для Александра Тимофеева, здравствуйте Александр, говорит Людмила из телефонной компании «Ар-Ти Интернешенел», мы не получили ваш платёж за февраль...

Ну вот, дальше можно не слушать. Ещё не хватало остаться без международной связи, как раз сейчас, перед отпуском в Москве. Опыт ранешних поездок однозначно подтвердил поговорку «Лучший экспромт – это хорошо подготовленный экспромт». Саша родился в Москве, и до поездки в Америку оставлял Первопрестольную надолго только один раз, правда на целых пять лет, если не считать отпусков. Отлучка из столицы была затрачена на получение высшего инженерного и среднего военного образования, да и учился Саша не так далеко от Москвы – в Питере, сиречь Ленинграде. Курсантская жизнь тогда была советского типа – куда строже чем сейчас. Все пять лет Саша прожил в казарме, и во время учебного года в Москву не наведывался, кроме разве что двух коротких командировок, но зимние и летние отпуска исправно проводил дома, в компании одноклассников.

Распределился Александр весьма удачно – опять же в Москву, в один хитрый военный НИИ, как многие Сашины

одногогруппники. Их выпуск, казалось, почти поголовно состоял из умопомрачительных везунчиков – больше половины свежеиспечённых лейтенантов попали в Москву и ближайшую область, так что и армейских однокашников у Саши в Москве было изрядно. В общем, друзей из числа одноклассников, одногруппников и сослуживцев – в столице и не считаешь, но тем не менее, один из предыдущих отпусков Саша провел если не в одиночестве, но уж точно не так как планировал. Хотел, дурачок, всем сюрприз устроить. Не предупредив никого прилетел в Москву, и только оттуда, с комфортом устроившись на кухне с родным российским пивом и сигареткой, слушая шум Проспекта Мира за окном, принялся обзванивать знакомых.

Тут же выяснилось, что все рады его приезду, и соскучились, и очень хотели бы пересечься на рюмку чая, но планы на ближайшее время уже составлены, ну что тут поделывать – конфликт расписаний, предупреждать надо! К тому же дело было летом, кто-то всё время проводил на даче, кто-то был в отпуске, а кто-то уезжал в отпуск буквально на днях, короче – поездка в Москву практически не удалась. С тех пор Саша взял за правило заранее известить всех с кем хотелось бы увидеться, а для массовок, когда собираются больше двух человек, ещё и распланировать точную дату, чтобы все могли подкорректировать планы заранее. Для большинства задач хватало Интернета, однако иногда требовалось и общение «в реальном времени», и вот сейчас жадный «Ар-Ти Интерне-

шенел» грозился лишиться международного телефона. Можно конечно и с мобилки, но там примерно доллар-минута, не наговоришься. Ох буржуины, все денег хотят.

– Кать? А Ка-а-а-ать?!

– Слышу, слышу. Завтра отправлю чек, а потом позвоню и дам его номер, чтобы сервис не отключили. Или хочешь – сам позвони.

– Не, лучше уж ты...

Так исторически сложилось, что в семье по счетам платила Катя. Сначала, когда она сидела дома с маленькой Наташкой, а Александр работал – такое распределение ролей смотрелось логичным и честным. Да и английский у Кати по приезду в Штаты был куда лучше – она закончила ИнЯз, и её разговорный больше подходил для «боданий» с кредиторами. Потом Катя нашла работу на пол-дня помощником адвоката в одной маленькой конторе, но забота об отправке чеков всё равно оставалась её обязанностью. Утешая себя тем что «Мужчина деньги зарабатывает, а женщина их тратит», Александр, откровенно говоря, просто ленился вникать в детали оплаты дома, электричества, газа, телефона и всего прочего. И, хотя Саша и полагал что женуля где-то переплачивает, а где-то опаздывает с платежами при этом подрывая их общую кредитную историю, не спешил начинать передел домашних обязанностей, предпочитая не будить лихо пока оно тихо, и как-то по счетам платит.

– Подожди секунду, давай второе послушаем, тоже небось

по поводу счетов...

Отвечая на нажатие кнопки, автоответчик пропищал, стирая первое сообщение. Высветился новый номер с незнакомым кодом города. Мужской баритон звучал с лёгким эхом, как будто говоривший находился в пустой комнате. Это сообщение тоже было по-русски, хотя и с сильным американским акцентом.

– Здравствуйте Александр Владимирович. Это Стивен Сильвер from Department of Defense. Нам надо поговорить. Мой телефон...

«Оп-ля... Департамент оф Дефенс. Министерство Обороны, ака Пентагон. Ну вот, этого ещё не хватало...» – подумал Саша насторожившись. Сообщение это он стирать конечно не стал, совсем даже наоборот, не поленился взять бумажку и переписать номер телефона пентагонщика. Вдруг электричество вырубится и автоответчик память сбросит? А номер пригодится, похоже – дело серьёзное... Кто ж с такими конторами шутит?

В доме курить было не принято, так что Саша с Катей расположились на заднем дворе. Тут, на лавочке под жестяной крышей, на открытой верандочке, которая в минуты повышенной гламурности величалась «патио», а в остальное время «бэк-ярд» или просто «курилка», обычно и обсуждались общесемейные вопросы.

– Что это было, Беримор, а? – начала Катя. – Ну, Тимофеев, мало тебе десяти лет в Непобедимой и Легендарной?

Давно уже живя в разных комнатах, по-очереди ходя на вечеринки, опять же по-очереди иногда не ночуя дома, Александр Тимофеев и Екатерина Белова (фамилию Катя поменять не захотела) оставались друзьями, или по крайней мере не были врагами. Имея двух общих детей, врагами быть весьма разорительно, хлопотно, да и просто неумно. Однако фрагмент жизни, потраченный на то чтобы обоюднo прийти к такому пониманию ситуации Саша предпочитал не вспоминать никогда. Саше было за сорок, Кате – за тридцать, у обоих это был второй брак, и они не спешили разбежаться. Саша любил говаривать «я в женитьбах своё отсидел», и Катю ситуация тоже вроде-бы пока устраивала. Поверх всего этого, «жить на два дома» сейчас им было откровенно не по карману.

– Ну так что это было-то? – повторила вопрос Катя. – Давай методом исключения. Перепутать же тебя не могли, верно?

– Да уж! – невесело хмыкнул Саша – Нет, теоретически могли конечно, учитывая что нет событий невозможных, есть только маловероятные. Однако для такой бюрократической ошибочки звонивший не только спутал меня с каким-то доблестным защитником демократии, он ещё и язык делопроизводства не тот использовал. Может конечно этот тип русский в школе учил, и обожает читать Достоевского в оригинале, а тут как раз представился случай попрактиковаться...

Саша недовольно покосился на полную пепельницу, измерял взглядом расстояние до мусорного бака, ещё раз посмотрел на пепельницу, и, увидев ещё дымящийся «бычѐк» нашѐл для себя оправдание не выкидывать окурки прямо сейчас – а то загорится ещё что-нибудь в мусорке...

– А путанник этот... Как бишь его, дьявола... Каутский. Джон Сильвер?

– Звонил тебе Стивен Сильвер. – даже не улыбнулась Катя. – Джон Сильвер – это пират из стивенсоновского Острова Сокровищ. Кстати, запомни, Стивен-Сон. Стивен. Джон Сильвер. Стивен Сильвер. Стивен Сильвер. Запомнил? Есть такое чувство, что имя это тебе ещё пригодится, и похоже «к сожалению». Не нравится мне всё это.

С американскими именами у Саши было не очень. Например, он очень долго не мог запомнить фамилию своего зубного врача, очень приятного и чрезвычайно болтливого (как все греки) живчика Дукакиса. В личном общении это не мешало, можно было называть доктора просто «доктор», а вот объяснить ресепционистке к кому ты на приём пришѐл – уже трудновато. Не говорить же «Ну, Вы знаете... толстеный такой, лысенький...». Такая безимѐнная ситуация продолжалась, пока Катя не придумала ассоциацию с Дукалисом из сериала про питерских ментов.

– Почему «к сожалению»? Просто никто не любит непоняток и всяких прочих внезапностей, вот мы и напряглись. Не волнуйся, Катюша.

– Небось из-за сайта твоего дурацкого. Говорила же, по-придержи язык, нашёлся тоже трибун, борец с произволом, и укротитель американского империализма...

На веб-сайте русского Солт Лейк Сити Саша и правда частенько высказывал мысли, мягко говоря, отличные от официальной позиции американского правительства. Однако понимал что плетью обуха не перешибёшь, и, помня о маячившем где-то в туманном далеке Гуантанамо, публичным инакомыслием никогда не увлекался. Старался, так сказать, держаться в рамках почти конструктивной критики.

– Не, Катенька, тогда звонок был бы из ЭфБиАй.... тьфу, в смысле – ФБР. Я ж говорю, не волнуйся. – сказал Саша как можно более убедительно. – Подумаешь – телефонный звонок. Не полицейские же с ордером, не гонец с повесткой в суд, а главное – не злые кредиторы. Всё будет хорошо. Виски хочешь?

– Не-а, не хочу. И правда, нечего себе голову ломать. Всё, я – спать. Спокойной ночи. Не сиди долго. Слушай, а может просто чья-то неудачная шутка?

Саша секунду помолчал, имитируя размышления. Размышлять-то было уже и не о чем – вариант шутки он прокачал в первую очередь. Верней не шутки конечно, а злого розыгрыша. Когда в Америке государственная служба звонит иммигранту, да вообще кому угодно (да и не только в Америке наверное) – это, знаете-ли, приступа здорового смеха отнюдь не вызывает, а вызывает настороженность, вол-

нение и страх. Ну, для Первого Апреля ещё туда-сюда, а в остальное время это – веселуха калибра «ваш дядя только что попал под машину».

Теоретически так мог пошутить кто-нибудь из российских знакомых, наслушавшись побасенок про демократическую свободно-беззаботную жизнь за океаном, и думающих что американский чиновничий аппарат – это действительно «слуги народа», и простой американец дверь в полицейский участок открывает исключительно ногой, а налогового инспектора спускает с лестницы со словами «сейчас я занят, приходи завтра». Но, во-первых среди близких знакомых у Саши дураков не водилось, а во-вторых, телефонный номер звонившего, сохранённый автоответчиком, такую версию напрочь отметал – номер как раз был насквозь здешний, американский.

Итак, это наверняка не шутка. Может это быть злым розыгрышем? Мог Саше позвонить кто-то из недругов-недоброжелателей? Ну, если опять же, рассуждая гипотетически – да, наверное мог. На пятом десятке жизни (А вы думали какой десяток начинается после того как вам исполнилось сорок?) наверное должны были накопиться люди, которые Сашу активно не любили. Сам Саша правда о таких не знал, но легко допускал их существование. И это, кстати, одна из обратных сторон Интернета. В Сети легко можно найти и друзей и недругов – ну прямо как в жизни. Выскажешь какую-нибудь мысль в форуме там, или в бло-

ге каком-нибудь, и мгновенно найдутся люди, осознавшие что они с этой мыслью радикально несогласны, причём во в всём диапазоне несогласия, от «Извините, тут Вы неправы...» до «Да как же у тебя, гада, язык повернулся такое сказать-то?!». Впрочем, такие вспышки гнева обычно и заканчиваются этой самой фразой в том же форуме, а вот чтобы решиться на подлянку за пределами Сити, что называется «в реале» – наверное надо знать человека лично.

Вот тут-то и выстреливает следующая непонятка, вернее – несоответствие. Для личного общения с друзьями-приятелями Саша (как и все нынче) использовал мобилку, просто потому что так удобнее. Вот её-то, мобилкин номер и был известен всем знакомым, домашний же номер был, что называется «официальным». Появился он вместе с домом, фигурировал во всяких купле-продажных бумагах как способ контакта с «мистер энд миссис Тьимофэйефф», являющимися ответственными владельцами, заёмщиками, потребителями электричества, газа, услуг по вывозу мусора, и тэдэ и тэпэ. А вот знакомым домашний телефон был совершенно неизвестен.

Прокрутив в голове эти самые мысли, Саша озвучил то, что посчитал наиболее подходящим моменту:

– Вполне возможно что и шутка, Катюша, не заморачивайся на это тему. Спи сладко.

Катя встала, чмокнула Сашу в щёку, поднялась по ступенькам, и, придерживав напружиненную стеклянную дверь

чтобы не хлопнула, исчезла в тёмном проёме. Через несколько секунд зажглось матовое окно ванной и послышался звук падающей из душа воды.

Саша тоже поднялся, и, стараясь ступать как можно тише, направился в кухню. Старые половицы предательски поскрипывали, но дети вряд-ли проснутся – привыкли. Деревянный, пахнущий музеем старый дом, построенный еще в начале двадцатого столетия, вообще вёл себя как неисправная музыкальная шкатулка – посвистывал, пощёлкивал, в общем – гнулся и скрипел. Весь район с романтическим названием Шугар Хаус (а по-нашему «Сахарный дом») был застроен такими «пороссячьим домиками». Типа: дунет волк – и нет стен вокруг поросёночка, а вот перестраивать до прихода волка нельзя – историческая ценность. Городу Солт-Лейк-Сити примерно сто лет, Америке – примерно двести, соответственно: всё что построено раньше чем сегодня после обеда – историческую ценность, видите-ли, представляет. И тронуть её не моги без разрешения главного городского архитектора. Впрочем, ворчание такое было чисто теоретическим, на то чтобы перестраивать дом денег у Саши всё равно не было.

Взяв полуторалитровую бутылку виски «Ёрли таймс» и серебрянную рюмочку, Саша вернулся на улицу и зажёл новую сигарету. Виски этот был разумным компромиссом между ценой и качеством, тем более что выбирать особо и не из чего. Юта – «сухой» штат. Сиртное продаётся только в

государственных магазинах, и только такое, которое понравится Алкогольной Комиссии штата. А вышеозначенная комиссия состоит кстати, как и большинство государственных органов, из мормонов – людей по-определению непьющих, соответственно – в алкоголе разбирающиеся как известное млекопитающее в известных цитрусовых. Но, как говорится, «за неимением гербовой пишем на простой», и такой виски по-любому примерно на восемнадцать процентов лучше чем ничего. Да и рюмочка серебрянная, из Москвы привезённая, память о бабуле, недостатки виски в значительной мере компенсирует. Напиток этот был весьма бурбонистый, соответственно его можно и потягивать как коньяк или скотчик, и пить залпом как родную водку – в зависимости от настроения, состояния души, и самочувствия тела. Сейчас настроение было настороженное, душа просила залпа, а тело не возражало, однако рюмочка для такого маневра была чуть великовата, и Саша налил себе половинку. Выпил, крикнул, затаился сигаретой, прислушался к процессам протекания огненной воды по организму, порадовался теплу внутри, налил ещё. Опять половинку.

Пил Саша практически каждый день. Ну, может быть «пил каждый день» – это через чур сильно сказано. Саша, скорее, «каждый день выпивал». Напивался редко, но если честно, полагал что за последние десять-с-хвостиком (с тех пор как приехал в Америку) лет, мог бы пересчитать безалкогольные дни по пальцам одной руки. Утешал себя Саша

тем, что алкоголь – это универсальный антидепрессант, и если б не пил, то давно бы умер от инсульта, потому что жизнь – она сука нервная. Впрочем, «утешал» – опять же неправильное слово, «утешал» подразумевает внутренние борения и раскаяния. Александр же по поводу алкоголя жил в полном мире с собой – просто не считал такое питиё аномалией. Шерлок Холмс чтобы лучше думалось на скрипке играл, Фандорин медитировал, а кто-то например пьёт и хорошо себя при этом чувствует. Творчество Конан Дойля Саша очень уважал, Акунина – любил, но на инструментах не играл, к медитации на тренировках по Вин-Чуню (которым увлёкся на старости лет) относился как к неизбежному злу, а виски – вот, стоит себе на столе, жизнь скрашивает и думать помогает.

Засунув очередную докуренную сигарету в пепельницу, Саша потянулся за зажигалкой, потом за пачкой «Парламента», спрятавшейся за бутылкой с вискарём, вытащил сигарету, но так и не закурил – застыл, пялясь на фильтр, зажатый между большим и указательным пальцами, как будто в первый раз увидел этакий диковинный предмет. Сейчас было всё равно на что смотреть, вернее – на что не смотреть. Не видел Саша фильтра, Саша – думал, вернее – додумывал. Мысли не то чтобы сложились как фигурки в Тетрисе – кое-где детали логической картинки сталкивались углами, кое-где напозлали друг на друга, а кое-где друг до друга и не доставали. Однако, из и так настороженных соображений вы-

щелкнулась некая достаточно резко очерченная странность, общий расклад радикально драматизирующая. Вот её-то Саша и пытался додумать, доформулировать до какой-никакой складности. По крайней мере стало понятно что беспокоит больше всего в этом телефонном сообщении. Звонивший, этот Джон Сильвер, пират этот, мать его так, назвал Сашу по отчеству. Вот где нелинейность главная, вот где собака порылась.

Саша торопливо налил теперь уже полную рюмку, хлопнул – опять же залпом. Демонстративно поперхнулся, напоминая себе, любимому, что нечего в одно горло жрать ханку треть-стаканами, закусывая исключительно сигаретным дымом, и ещё раз попытался разложить всё по полочкам.

От соседского дома слышался низкий гул "причаливающей" машины. Александр встал, и отступил в тень дома. Судя по звуку форсированного двигателя, вернулся со своей полицейской смены сосед Эндрю.

Эндрю был соседом весьма подходящим. Не из мормонов, соответственно – выпивает, да и собеседник приятный. Опять же, из служивых – люди, когда-либо носившие форму всегда хорошо понимают друг-друга. А кроме того, удобно жить, если рядом с твоим домом постоянно припаркована полицейская машина, этакое пугало для всяких нелюбезных личностей. Солт-Лейк-Сити конечно не Лос-Анжелес, где почти повсеместно на окнах домов – решётки, и постреливают по несколько раз в день, но всё равно – и тут растёт

преступность по чуть-чуть, и тут в последнее время появились молодёжные банды, предпочитающие решать проблемы с помощью пистолетов и дробовиков. А если рядом живёт полицейский – не забалуешься.

Плюс к этим удобствам – соседи перестали вызывать полицию, если во дворе у Тимофеевых веселятся по позднему времени. Раньше, бывало, если куражится компания друзей во дворе, то в двадцать три часа пятнадцать минут можно смело идти к входной двери – полицию встречать, потому что в двадцать-три-ровно соседи набрали девять-один-один и на шум пожаловались. А с тех пор как Эндрю в соседнем доме послелися – угомонились соседи. И правда, чего полицию вызывать, если полиция – вот она, в соседнем доме живёт, а вполне возможно что и пьёт сейчас вместе с этими русскими?

Возвращаясь с дежурства, Эндрю обычно заглядывал в Сашин двор, и если хозяин был на месте – заскакивал на пару минут чтобы пропустить рюмочку, потрепаться ни о чём, или рассказать какую-нибудь полицейскую историю, преподносимую, естественно, от первого лица.

Однако сегодня Александру было не до соседушки, потому и сделал вид что нет его в патио, встав из-за стола и спрятавшись в тени дома. Подождал, пока у соседней хлопнула дверь, и только потом вернулся на прежнее место додумывать невесёлую думу про отчества.

Итак, мало того что звонят из Пентагона, организации,

с которой у Александра никаких дел не было, и до недавнего времени хотелось верить – и не будет. Мало того что «нам надо поговорить», что само по-себе в приторно-культурной Америке звучит странненько... Так ещё и «Александр Владимирович» – во как! Но ведь в Америке отчества не приняты. Во всех американских бумагах Сашино отчество – просто инициал, буква с точкой. Чтобы докопаться до полного отчества тут – это ж надо поднимать старые иммиграционные бумаги, там вроде есть ксерокопия нашего паспорта. Или нужно иметь доступ к бумагам российским. Пентагон конечно организация весьма серьёзная, но ведь не лежат на пентагоновских столах российские бумаги. Можно, опять же, поговорить с кем-то кто знает Сашу достаточно близко, но тут отчествами и русские не пользуются, и, соответственно – отчеств друг-друга не знают. Да что там отчеств – частенько и о фамилиях ближайших друзей не осведомлены, по-скольку встречаются не по работе, а исключительно за бутылочкой. Так что все сплошь Саши, Маши, Наташи, и прочие Федоты... И сей факт, кстати, ещё раз напрочь отмечает возможность шуточки – миленького такого розыгрыша от местных знакомых с мутировавшим чувством юмора.

В общем, теоретически-то источников обнаружения правильного Сашиного отчества не много – но есть, однако главное отнюдь не это. Главное – то, что отчества тут не приняты и точка. Не лежат они на видном месте. Если отчество знают, значит – они (кто бы «они» ни были) про Сашу материалы

искали. Искали старательно и целенаправленно. Не просто взяли из папочки, а какое-никакое исследование провели. А если потом это самое отчество употребили, то не считают нужным старательность свою скрывать, даже совсем наоборот – осведомлённость демонстрируют, козыряют ей. Ишь, «Александр Владимирович», фу-ты ну-ты... Как там было-то? «Вы учтите, у нас длинные руки!», так что ли? И где же эта фразочка проскакивала, в фильме каком-то? Или в анекдоте? Не суть – руки действительно длинные. Или уши? Судя по ушам этому кролику лет двести...

Оценив пьяненькую непоседливость мыслей, Саша подумал, что пожалуй пора спать. Завтра докуём.

02. Пират

Проснулся Саша в хмуро-пессимистичном настроении. Дело было вовсе и не в похмелье – выпито вчера было немного, да и вообще похмельно-абстинентный синдром Сашу посещал редко. А если и посещал, то был мгновенно бит насмерть утренней рюмкой тяжёлого алкоголя, принимаемой без всякого удовольствия, исключительно как лекарство – осознанная необходимость. Просто после сорока как-то принято просыпаться надутым, побурчать, поворчать, демонстративно скрипнуть поясницей, посетовать на предательницу-судьбу которая, будучи столь многообещающей в молодые годы, до сих пор не удосужилась обеспечить тебя дворцом и горничной. И уже только потом, испивши кофе и тем исправив ситуацию «поднять-то подняли, а разбудить забы-

ли», можно начинать неравную и потому сугубо героическую борьбу с текущим днём.

Где же это было про то, что курить натошак – скверная русская привычка? В «Гиперболоиде инженера Гарина» что ли? Накинув куртку Александр вышел во двор на первую утреннюю сигаретку. Развернул скамейку, противно скрипнувшую железной ножкой по бетонному полу, уселся спиной к столу, по-хозяйски обозревая природу.

Снег, ещё вчера грязными клочьями лежавший под голыми кустами, за ночь растаял, обнажив землю, кое-где покрытую прошлогодней буро-зелёной травой. Солнышко светило, птички чирикали, куртка на плечах оказалась как-бы и лишней. Вроде бы и чистая пастораль, однако не вовремя – похоже, в этом году весны опять не будет.

«Вот же – мормоны,» – беззлобно чертыхнулся про себя Саша – «спасались, видите-ли, от преследований, искали с великим тщанием землю, которая никому не нужна. И у них-таки получилось.»

Давненько тому как, на Восточном Побережье будущих Соединённых Штатов, тогда бывшем ещё британскими колониями, всюю хозяйничали пуритане. В те бородатые времена ни одна религия не отличалась запредельной веротерпимостью, а уж пуританская ветвь протестантизма и подавно относилась к уникальности правоты своей религии с куда большей щепетильностью, чем, например, нынешние талибы или какая-нибудь сравнительно беззубая испанская инкви-

зия. И не то чтобы пуритане резали мормонов с несравненно большим энтузиазмом чем тех же ирландских католиков, однако мормонам хватило и того. Так припустили с насиженных мест, что аж в другую страну добежали. Это уже потом, когда США отрезали у Мексики половину территории, Юта сделалась частью Штатов. И надо же так случиться, что кульбит судьбы занёс сюда и Сашу Тимофеева. Ровнёхонько широта хлебного Ташкента, только на другой стороне шарика. Полтора километра высоты, воздух разреженный, климат – континентальный. Вот вчера была откровенная слякотная зима, как в начале марта у нормальных людей и принято, а сегодня – нате вам, практически лето. «Как Вам понравилась весна в этом году? Ах, Вы не обратили внимания? Жаль, жаль, замечательная в этом году была весна, она случилась как раз вчера, примерно между ланчем и пятичасовым чаем.» При такой погоде через пару дней трава станет ярко-зелёной, и как из пушки за одну ночь почки выстрелят листьями. И на всю эту благодать снова запросто может повалить снег. Не зря говорят «Не нравится погода в Юте – подожди пятнадцать минут, и погода изменится на прямо-противоположную».

Саша зажал сигарету зубами, и, не вставая скинул куртку с плеч. Поочерёдно выдернув за спиной руки из рукавов, оставил её вывернутой на спинке скамейки. Вот так-то лучше, и не жарко, и назад откинуться можно – противно холодящая железная спинка прикрыта. После половинки ни-

котиновой палочки организм можно было считать условно проснувшимся. Саша полу-обернулся к столу, чтобы сбросить в пепельницу грозящий отломиться серый столбик с кончика сигареты. Серебрянная стопочка, оставленная вчера на месте применения, мгновенно напомнила о чём собственно был вчерашний вечер – вспомнился давешний тревожный телефонный звонок.

Ну что ж, подведём итоги: позвонил некто, проявивший осведомлённость, присущую госконторе, и, собственно, госконторой (Пентагоном) и представившийся. Предложил встретиться. Зачем?

Зачем с ним пожелали встретиться Саша совершенно не представлял. Если уж это действительно Пентагон, то логично было бы предположить, что это как-то связано со службой в Советской, а потом Российской Армии. Безусловно, откровенничать с бывшим, а скорее всего уже обратно настоящим Потенциальным Противником (или, если хотите «заклятым партнёром») Саша уж вовсе не собирался – тоже мне, нашли себе Мальчиша-Плохиша, декаденты. Не то чтобы Саша был готов молчать как пленный партизан – он трезво оценивал ситуацию, и понимал, но если уж Пентагону при полном доступе к телу захочется получить от произвольной персоны произвольные сведения – то Пентагон их получит, уж будьте уверены. Вытряхнет из кого-угодно что-угодно, это – не более чем вопрос времени. Уверенность же в том, что конкретно от Саши американцам ничего не узнать, базировалась от-

нюдь не на уверенности в своей непоколебимой стойкости – просто вытряхивать из Саши было нечего. Не являлся Александр Тимофеев секретноносителем и всё тут, так что с точки зрения выведывания этих самых секретов разведывательно-го интереса абсолютно не представлял.

В том самом военном НИИ, где Саша служил, конечно было много чего интересного для любой закордонной военщины, однако непосредственно с секретными данными сам Александр дела не имел – он, собственно, был программистом, и занимался созданием компьютерных моделей. Входные и выходные данные для этих моделей наверняка носили гриф «Совершенно Секретно», а то и «Особой Важности», а сами модели – нет, чистая математика без всяких выкрутасов. Ведь одно дело если мы скажем «Ракета Р-36М2 тринадцатой ракетной дивизии, расположенная в точке с такими-то координатами, предназначена для атаки северо-западного района Чикаго, точка прицеливания – с такими-то координатами», то в одной этой фразе секретов уже изрядно. А если мы говорим «Предмет в время Тэ начинает перемещаться по параболе из точки Икс в точку Игрек», то такие задачки и школьники на уроках физики решают. В общем, не было в Сашиной голове ничего секретного. Если бы было – не выпустили бы его в Америку. А если и проглядели тогда особисты, не доработали – так ведь сколько времени прошло, сколько воды утекло. Устарели давным-давно все секреты, протухли за сроком давности. В общем, вероятность

того что пентагоновец начнёт расспрашивать про военные тайны, Саша считал исчезающе малой и недостойной учёта. Конечно, опять же: «нет событий невозможных – есть только маловероятные», однако давайте отнесёмся к академическим теориям без фанатизма – будем оценивать ситуацию трезво и практично.

Сигарета догорела, и Саша, не вставая со стула повернулся, потянувшись к пепельнице. Посмотрел на пачку сигарет, хмыкнул, и, предварительно похвалив себя за твёрдость духа, закуривать очередную не стал. Вместо этого поднялся, и пошёл в кухню налить себе растворимого кофе. В доме стояла тишина – домочадцы, пользуясь выходным днём, спали от всей души. Нажав кнопку на электрочайнике, Саша запоздало оценил уровень воды, и понял, что до того как почти полный чайник забулькает и приготовит необходимый кипяток, пройдёт как минимум минут пять или семь. Как говорят англосаксы: «Если на чайник смотреть, то он никогда не закипит». В общем, говорят-то они это сугубо фигурально, в смысле того что если какое-нибудь событие очень ждёшь, то время как будто застывает и усугубляет тяжесть ожидания, но, так или иначе – на кухне Александру делать было нечего. Ну в самом деле, не стоять же подле раковины, пялясь на тихо гудящий электроприбор? Саша вздохнул, и поплёлся обратно во двор. На газоне шарилась большущая банда скворцов, с воинственным чириканьем и свиристеньем сыпанувших во все стороны, как только Александр открыл дверь.

– Вот то-то же! И не забывайте что я – человек, царь природы! – пробурчал Саша себе под нос.

Вообще-то он был рад видеть этих летучих тварюшек, собиравшихся в большущие стаи осенью, или как сейчас – весной, и летящих доразведывать местность в поисках червячков и друзей-подружек. Весёлые такие птички, да и на наших скворцов похожи. А то ведь вместо наших лягушек тут – гремучие змеи, вместо ёжиков – дикобразы. Ворон, например, вообще нет – вместо них сороки во множестве, а ещё всякие скунсы и еноты, иногда и прямо на улицах. А для любителей – ещё и пумы в лесах. Американцы этих большущих кошек называют или «горный лев», или «кугер», наверное отсюда и взялось почти исчезнувшее русское название «кугуар». А «пума» – это по-испански.

Был в своё время у Саши коллега-американец, который возил в машине большущий револьвер, да ещё и хвастался этим. Александр сначала думал что американец этот – один из тех огнестрельных психов, которые, пользуясь мягкостью местных оружейных законов, даже в туалет ходят с чем-нибудь крупнокалиберным, а заусенцы с ногтя срезают исключительно выстрелом из верного Кольта. Оказалось – нет, к оружию этот самый коллега относился адекватно, просто жил он на самой окраине городка Прово, что чуть южнее Солт-Лейк-Сити. По-скольку горы, покрытые диким лесом, там подходят буквально к самым домам, то и дикая же живность из этого дикого леса всегда под боком. В случае Саши-

ного коллеги частным проявлением этой живности случилась именно пума, повадившаяся спать на коллегином заднем дворе. Вот и приходилось тому с утра выходить из дома со здоровенным стволом на случай если восьмидесятикилограммовая кошка проспит и не уберётся вовремя туда где она обычно проводила светлое время суток.

Охоту Саша не любил, считая, что как-бы нечестно стрелять во что-то что не стреляет в ответ, но на месте коллеги непременно эту пуму бы выследил и пристрелил. Кто её, эту хищницу, знает? Ходит она кругом, молчит, думает о людях фигню всякую. Не все же рядом с ней с револьверами, легко эта хвостатая зверюга может, например, на ребёнка прыгнуть. Вон, в Калифорнии пумы каждый год в среднем трёх человек убивают, причём в основном – именно детей. Однако в Калифорнии пристрелить пуму – браконьерство, а в Юте как раз – нет, вот и надо было бы её заколбасить. Однако коллега пуму мочить не спешил, сосуществовал с ней мирно, и даже как-бы близким присутствием этой пумы гордился.

Вообще, жители Юты, или, как их называл Саша «утахцы и уташки», к природе относятся трепетно. Даже на вопрос: «Что вам нравится больше всего в Солт-Лейк-Сити?» они чаще всего отвечают: «О, у нас тут такая красивая природа!». Вот же смешные какие, в Городе Солёного Озера (обратите внимание – именно в Городе) им нравятся не театры-клубы-рестораны, а природа. Это, наверное как если бы кто-нибудь ушёл отшельничать в середину тайги, и на во-

прос о том, что ему по новому месту жительства приглянулось больше всего, отвечал бы: «О, у нас тут проходит такая замечательная железная дорога!»... В общем, «город» в Солт-Лейк-Сити присутствовал только в названии, и Сашу, выросшего в Москве, это изрядно печалило. Здесьнюю жизнь своим московским знакомым Саша обычно описывал примерно так: «Вот представьте себе жизнь на даче под Москвой. Представили? А теперь представьте себе ту же дачу, только Москвы рядом нет.»

Опустившись на стул, и прижавшись спиной к неуспешной ещё остыть куртке, Саша машинально зажёл следующую сигарету, и, в ожидании готовности чайника заставил себя вернуться к невесёлым размышлениям о вчерашнем звонке.

Итак, если пентагоновцы звонили не по поводу бывшей службы в рядах, тогда... тогда зачем? Хотят позвать послужить под звёздно-полосатые знамёна? Ну, во-первых – не по годам. Староват уже. Во-вторых – не будут для этого звонить из другого штата. В-третьих, не стали бы рекрутеры в чине сержантов утруждать себя выискиванием деталей вплоть до отчества – не должно быть у них для этого желания, и уж точно не может быть возможностей.

Как ни крути, опять сплошные «нет», «не логично», «не бывает», без каких либо намёков на решение головоломки. Ну что же, посчитаем что вчерашние выводы подтверждены, и задача не имеет решения, во всяком случае на тех исходных данных, которыми мы на момент располагаем.

Тогда следующий вопрос – что делать дальше? Вариантов всего два, позвонить и спросить что этому перцу надо, или забыть – плюнуть и растереть, надеясь что ситуация рассосётся сама-собой. Если честно, звонить совершенно не хотелось. Как-то не верилось Саше что он услышит что-нибудь типа «Дорогой Александр, Вы выиграли миллион в великую всепентагоновскую лотерею», или «Дорогой Александр, Президент подарил Вам танк и право кататься на этом танке где вздумается», или «Дорогой Александр, примите нашу безоговорочную капитуляцию» – наверняка ведь гадость какая-то последует. Вообще, хорошие новости редко путешествуют по телефону, если вам звонят незнакомые люди.

А с другой стороны – если не позвонить, то останешься в состоянии неизвестности бесконечно долго. Верней, не бесконечно долго, а пока эти крендели опять не проявятся. Причём, по закону бутерброда, ещё в какой-нибудь неподходящий момент – ну не оставят они Сашу в покое после какой-никакой разработки, отчество выявившей. Короче – надо звонить самому.

Саша вздохнул, и отправился за телефоном, по путиглянув на активно гудящий, но ещё не вскипевший, и потому не дававший отсрочки чайник. Набрал номер, высвеченный на определителе. Вернулся во двор, тяжело вздохнул ещё раз, и нажал кнопку «Вызов».

Гудок. Ещё гудок. После четвёртого гудка Саша задумался, по-русски или по-английски надо оставить сообщение ти-

па «Я вам звонок вернул, а вас дома не было, не хотите со мной говорить – не надо, увидимся в следующей жизни.» , но трубку подняли.

– Добрый день, это Александр Тимофеев.

– Здравствуйте Александр, здесь Стивен Сильвер, спасибо что быстро позвонили мне назад.

Фраза у американца получилась корявенькая – как будто выскочившая из компьютерного переводчика, и Саша подумал что его английский уж явно лучше чем Стивеновский русский. Учил тот, наверное, когда-то язык родных осин, но практикуется редко.

– Would you like to switch to the English?

– Да, спасибо, давайте дальше будем использовать локальный язык, так удобнее и быстрее – уже по-английски ответил американец – Нам надо встретиться и поговорить лично. Я сейчас как раз в Солт-Лейк-Сити. Это – мобильный телефон. Мы могли бы встретиться сегодня? Давайте встретимся в Фермонт Парке, это совсем близко от Вашего дома. Возле озера. Через два часа Вас устроит?

«Ишь какой приткий» – подумал Саша – «Быстрота и натиск. И место определено, и время, да ещё и не когда-нибудь, а через два часа. А может мне сегодня вообще с тобой встречаться и не хочется, а? Может, у меня уже планы на это время?», но вслух сказал: – Окей, я буду в Фермонт Парке у озера через два часа.

– Окей, до встречи. – сказал Стивен и отключился.

Саша посмотрел на часы, засёк время. Чай, душ, побриться, переодеться – пол-часа. Доехать – минут пять или семь. Ну, пусть – десять минут, Фермонт Парк и правда близко, в двух кварталах всего, но надо же и на местности оглядеться. А остальное время – думать.

В назначенное время Саша был в парке. Естественно, Стивена он никогда прежде не видел и узнать не мог, соответственно оставалось надеяться что американец опознает Сашу по фото и подойдёт первым. Если у них есть отчество, есть адрес, то и фотка уж точно какая-нибудь имеется.

Озером, у которого должна была произойти встреча, этот водоём в центре парка можно было назвать с большой натяжкой, скорее это всё же был пруд. Явно искусственный, потому что почти идеально круглый, метров сто в диаметре. Ухоженные, типично парковые берега. На берегах американские мамашки, в основном – матёрые матроны повышенной упитанности, знакомили отпрысков с природой – кидали в воду куски хлеба, активно поедаемые чайками влёт, утками с поверхности, и большущими цветными карпами-кои из-под воды.

Чаек Саша активно не любил. Вонючие, крикливые, жутко наглые. Из-за них в конце лета в парки с детишками лучше не ходить – гадко смотреть как чайки убивают и жрут маленьких утят. А обидишь чайку – тюрьма. Когда Саше сказали что за убитую чайку в штате Юта полагается год за решеткой, он не поверил и порылся в Интернете. Оказалось –

правда. Существует история (может легенда, а может и быль) как чайки спасли от голода первых поселенцев, когда на посеы которых напали то-ли сверчки, то-ли прочие какие тараканы да кузнечики. Так вот чайки этих насекомых истребили путём употребления внутрь – слопали короче, и с тех пор чайка – официальная птица штата, и обижать её – преступление. Кстати, не просто чайка, а именно эта, по-научному называемая «Калифорнийская чайка». Калифорнийская чайка – официальная птица штата Юта. Страна парадоксов, блин. Может, и у Калифорнии животное штата – тоже не какой-нибудь «просто-медведь», а ютинский медведь?

– Здравствуйте, Алекс. Можно я буду называть Вас Алекс?

Интересоваться, можно ли называть Стивена Стивом Александр не стал – нечего баловать.

– Конечно, Стив, как угодно – сказал Саша оборачиваясь. Стив был примерно на пол-головы ниже Сашиных метр-восемьдесят-четыре, и, наверное, на несколько лет помладше. Джинсы с широким ремнём и клетчатая рубашка могли бы придать ему вид американской деревенщины, эдакого фермера, но очки в блестящей металлической оправе скрашивали впечатление. Получался скорее молодой университетский профессор, готовящийся вывести своих студентов «в поле» – выкопать пару костей динозавров, ну или там отловить какую редкую бабочку или бурундука. Для завершения профессорского имиджа пожалуй немного не хватало аккурат-

ной интеллигентской бородки, или, напротив, сальных битловских патлов, но Стив был гладко выбрит, и светлые волосы были довольно коротко, пожалуй, даже по-военному подстрижены. Он смотрел на Сашу, и улыбался, смешно, и как-то по-детски щурясь на почти летнем солнышке. Улыбка у Стива была хорошая, не местная – бессмысленная, выровненная параллельно земле в сто зубов от плеча до плеча и холодными глазами, а нормальная. Типа один хороший парень улыбается другому хорошему парню не по-обязанности, а потому что тот ему взаправду симпатичен.

– Меня зовут Стивен Сильвер, рад встрече с Вами, Алекс. – выдал Стив стандартную фразу американского знакомства, пожимая руку Саше. Рукопожатие тоже было очень правильное. Энергичное, короткое, плотное – лодонь в ладонь, вмеру сильное, просто классика жанра – Александр оценил.

– Я тоже рад встрече с Вами – машинально закончил Саша формальную процедуру. Американец указал на скамейку чуть в стороне от суетящихся у кромки воды киндеров.

– Присядем?

Присели. Отчего ж было не присесть? Природа, она вообще стремится к минимуму потенциальной энергии, соответственно, чем ниже сидишь, тем природе приятнее. Саша смотрел на воду и ожидал продолжения.

По поверхности пруда потянулся кильватерный след – это к хлебному месту птичье-рыбьего ажиотажа поспешал Ос-

кар. Оскаром звали милую мелкую тварь плюшевого вида, то-ли ондатру, то-ли нутрию, то-ли выхухоль какую – чёрт их, грызунов, разберет. Короче – водяную крысу. Саша частенько приезжал сюда с детьми, так что был в курсе крысячьего имени. Раньше зверьков было четыре, откуда они взялись история умалчивает, а вот куда делись остальные – Саша слышал в местных новостях. Нашёлся какой-то идиот, взял мелкашку, да и перестрелял совершенно не боящихся людей зверюшек. Остался один Оскар.

– Теперь я обязан представиться официально. – Стив достал бумажник, вытащил оттуда закатанную в пластик карточку с своей фотографией на четверть накрытой большой радужной галогеновой печатью, вариацией на тему американского орластого герба. – Моё имя – Стивен Джонатан Сильвер. Я работаю в разведке Министерства Обороны Соединённых Штатов Америки, вот моё удостоверение.

Американец профессиональным жестом, таким это обычно это делают полицейские в боевиках, поднял карточку на уровень глаз Саши, и тому ничего не оставалось как внимательно посмотреть.

«Так вот как, всё-таки как-то где-то Джон Сильвер. Шутники были твои родители однако» – подумал Александр. В других обстоятельствах он бы обязательно пошутил на пиратские мотивы второго имени собеседника, но сейчас было слишком волнительно, нервно, и вообще чертовски неудобно. Саша смотрел на удостоверение. Действительно Мини-

стерство Обороны США. Действительно Разведывательное Управление. Действительно Стивен Джонатан Сильвер. Действительно печать, блестящая как новый серебряный доллар. И что-то там ещё мелким шрифтом. Действительно Разведывательное Управление... Действительно...

Только сейчас Саша заметил что Стив выжидательно смотрит на него, и кивнул. Удостоверение отправилось в бумажник, а бумажник – в карман джинсов гордого владельца убедительной ксивы.

– По законам Соединённых Штатов разведывательные организации не могут проводить тайных операций на американской земле. Это касается и Центрального Разведывательного Управления, и всех остальных, в том числе нашей организации. По-этому мы сможем продолжить беседу только если Вы добровольно согласитесь говорить со мной. Алекс, я хочу чтобы вы поняли: мы сможем говорить только если Вы добровольно примите решение поговорить, заставить Вас никто не сможет. Я официально предупреждаю Вас: только добровольно.

«Эко ты, дружок, "добровольно" упомянул трижды, а "можете отказаться" не произнёс ни разу.» – подумал Саша. – «Ну вот, значит всё-таки их разведка...»

Как ни странно, Александр даже испытал некоторое чувство облегчения. С одной стороны, конечно всегда теплится иррациональная надежда, что происходящее – просто какое-то недоразумение, не влекущее за собой радикальных

перемен в жизни, и пентагоновцы тебе просто скажут что-нибудь типа «Так значит Вы никогда не получали Медаль Конгресса за службу в Корее? Ах, Вы тогда в армии не служили, а в американской – так и особенно, и даже ещё не родились? Извините пожалуйста, это наша ошибка, больше мы Вас никогда не побеспокоим». А потом покраснеют от смущения за свою неуклюжую бюрократию, потупят очи долу, развернутся, и уйдут. Теперь надежды такой больше нету, но с другой стороны – и непонятки закончились. Это как в фильме ужасов, когда после напряжённого ожидания под соответствующую гнетущую музыку из страшной темноты наконец-то выскакивает тигр-людоед с окровавленной мордой. И тут с облегчением понимаешь что это не стая драконов, не свора вампиров, не рота маньяков с бензопилами, а всего лишь какой-то там одиночный тигр. Вот и сейчас – всего лишь разведка. Ну что ж, и для этого сценария домашняя заготовочка имеется... Нас, знаете-ли, тоже не на помойке нашли, время подумать было, и такой вариант рассматривался. Саша выдохнул, и как будто бросился в холодную воду.

– Я понял, Стив. Конечно, давайте поговорим. Однако, в свою очередь, я тоже хочу официально предупредить Вас: если разговор затронет темы безопасности, то, как гражданин Российской Федерации, я должен буду сообщить об этом российской контрразведке. В России очень строгие законы, и я не хочу быть обвинённым в шпионаже.

«... и оказаться в Сибири.» – хотел добавить Саша, но воз-

держался. Про Сибирь наверное был бы уже перебор.

Если честно, Александр подсознательно ожидал взрыва, какой-нибудь чрезвычайно неприятной обратки. Нервишки подрагивали как канаты на ветру, в желудке было холодно и вакуумно, и если бы Стив вдруг выпустил полуметровые когти и зубы да и отхватил бы одним укусом Сашину голову, тот бы не очень удивился. Но американец не спешил предъявлять какой-нибудь компромат, не грозил двузначными сроками заключения, даже не хмурился.

– Что ж, Алекс, я понимаю Вашу позицию. – весьма благожелательно сказал он, опять очень хорошо улыбаясь, словно одобряя Сашин выбор. Однако возвращать улыбку Саша не стал. В его планы не входило демонстрировать добавочное дружелюбие. Вежливость – да, безусловно, потому как попусту злить этих типов совершенно ни к чему. Но не надо и намекать на то что возможны варианты, мол, можно и передумать и согласиться на сотрудничество. Вы спросили, а мы ответили. Два джентельмена поговорили в соответствии с правилами этикета, но не сошлись во мнении. Всё – катитесь колбаской.

– Пройдёмся? – предложил Стив.

От чего ж не пройтись? Саша согласился с удовольствием. Ему хотелось «выходить» стресс. Не каждый день посылаешь подальше разведку великой державы. Александр нервничал и адреналин в крови требовал хоть какой-то физической нагрузки, на лавочке уже не сиделось. А ещё, Саша на-

деялся что прогулка – это способ мягко закончить беседу без потери лица. Вот дойдут они до машины американца, тот поворачивается, и – адью! Но Стив направился в противоположную от парковки сторону. Они неспеша шли рядом по дорожке опоясывающей пруд как шерочка с машерочкой, время от времени уступая дорогу велосипедистам в смешных пенопластовых шлемах.

– Как Вам нравится Солт-Лейк-Сити, Алекс? – начал Стив.

«Это ещё к чему?» – про себя поинтересовался Саша, и решил занять выжидательно-нейтральную позицию. Ни хвалить, ни ругать, чёрного и белого не покупать.

– Окей. – и как истинный джентльмен добавил для поддержания разговора. – А Вам, Стив?

– Я люблю Солт-Лейк-Сити, часто бываю тут в командировках. Вырос я в Вайоминге, это недалеко отсюда, так что местность похожая – те же Скалистые Горы. Работаю тоже недалеко отсюда – в Колорадо.

«Ну да, код межгорода был именно пригорода Денвера.» – подумал Александр, успевший дома погуглить Стивовский номер телефона. – «А вообще утомил ты, дружок, жук колорадский, историей своей жизни. Что, предлагается дружить семьями, или может, домами? Может о погоде ещё поговорим? Куда ж ты клонишь-то, а?»

– А Вы, Алекс, жили в Москве?

«А то ты блин не знаешь!» – покривился про себя Са-

ша этакой показной наивности. Пресненский джентельменский разговор ни-о-чём начинал надоедать едва начавшись, но лучше было не усугублять. Типа идут два человека, говорят на нейтральные темы. Смещаться в сторону разговоров о цели визита, и, соответственно, о профессии Стива уж вообще не хотелось. Ещё теплилась надежда что всё страшенькое благополучно закончилось, ещё чуть-чуть – и американец откланяется. Желательно чтобы навсегда. Было бы забавно конечно с совершенно серьёзным видом ответить что Саша в Москве не то что не жил, а даже и не был никогда, а всю жизнь до этого провёл, например, в Катманду или Шанхае, да и посмотреть как Стив на это среагирует. Однако до сих пор было волнительно, неудобно, да и банально страшно-вато если честно, вот и решил Александр обойтись без нелнейностей.

– Да, в Москве и Ленинграде.

– Я был и в Москве и в Петербурге, и даже доехал на машине до самого Выборга. Очень красивые места. Россия – вообще замечательно красивая страна. Неправда ли замечательно, Алекс, что Америка и Россия больше не враги?

«Ага, так вот к чему это было. Мостик к компромиссу. Строили, строили, и наконец построили. А теперь небось выяснится что американская разведка озабочена исключительно обеспечением процветания России, с которой типа не враги. Щщщаз! Соловья нашли, петь я им буду!» – Саша понимал, что уж чего-чего, а компромисса допускать никак

нельзя, или через болезненную фазу отказа в сотрудничестве надо будет проходить снова. Очень правильно было бы напомнить про вооружение и натравливание на Россию наших братьев-грузин, и про цитрусовые революции, и про ПРО в Восточной Европе. Да уж чего мелочиться – и про развал Союза тоже. Но Саша, уже почти отволновавшись, чувствовал себя аморфно-усталым, и никак не мог решить что сказать надо, а от чего лучше воздержаться, чтобы не прослыть анти-американцем и, соответственно – террористом. По-этому он ничего не ответил, просто нейтрально дёрнул плечами.

Надо заметить, что это нейтрально-вежливое движение плечами Александр выполнял профессионально. Научился он этому жесту ещё в Москве, пока в перерыве между армией и Америкой программировал в большой западной компании. Русских в компании было процентов десять, а остальное – иностранцы, или, как их тогда называли «экспаты», дорожные специалисты из США, Новой Зеландии, и Соединённого Королевства, оно же – Великобритания. Причём в большинстве своём великобританцы эти были вовсе не англичане, а ирландцы и шотландцы. Рабочим языком был, соответственно, английский, а с английским у Саши тогда было достаточно скверно. В военном училище Сашу английскому конечно учили, но не разговорному, и даже не такому, чтобы в нужный момент суметь сказать: «Если хочешь жить – веди нас к ракетной установке!». Учили Сашу такому английскому, чтобы супостатову документацию по вычисли-

тельной технике читать смог, а уж практики общения и подавно никогда не было. Так что на новом месте работы Саша учил язык примерно так, как по легендам рыбаки учат своих детишек плавать, типа бросают их через борт лодки, хочешь – сходу учишься плавать, а не хочешь – иди ко дну. Вот и барахтался новоиспечённый мистер Тьимофэйеф в компании англоязычных иностранцев как мог, что-то понимал, а когда не понимал, то смело улыбался и кивал с одобрительно-соглашающимся видом, надеясь попозже заполнить непонятные фрагменты дополнительными вопросами. Такие Сашины довольные улыбки и кивки прекратились после разговора в курилке с одним общительным шотландцем. Вообще, английский язык, на котором разговаривают шотландцы, английским можно назвать с большой натяжкой, а этот Сашин собеседник и подавно внятностью дикции не отличался. В тогдашнем монологе шотландца Александр не понимал практически ничего, и, соответственно, кивал и улыбался изо всех сил с видом восторженного идиота, периодически поднимая вверх большой палец, и вставляя в рассказ собеседника ненавязчивые комментарии типа «Good!» и «Super!». А потом выяснилось, что этакая Сашина реакция шотландца несколько удивила, (даже с поправкой на загадочную русскую душу) потому что рассказывал тот Саше про своего дядюшку, который спился и умер от цирроза печени, в результате чего жена дядюшкина оказалась в сумасшедшем доме, а дети (рассказчиковы кузены) – в тюрьме для мало-

летних преступников. С тех пор Саша в случаях непоняток улыбаться перестал, зато вместо этого научился нейтрально пожимать плечами с чрезвычайной ловкостью, типа «Раз уж Вы это говорите, то наверное так оно и есть, мне-то что...»

– Теперь люди могут свободно путешествовать, встречаться, обмениваться мнениями. – тем временем продолжал Стив. – Безусловно, я ни в коем случае не попрошу Вас, Алекс, о чём-нибудь, что может принести России вред, я знаю – у Вас там родственники и друзья. Кстати, о друзьях... Алекс, не могли бы Вы оказать мне маленькую услугу? Один мой добрый знакомый сейчас в России, ему нужна поддержка, как это у вас говорится, «связи» .

«Ах вот к чему это...» – почти спокойно прикинул Саша, который уже устал волноваться, похолоднокровел, и обрёл наконец возможность думать быстрее. – «Конечно, не попросят меня они, благодетели, красться через контрольно-следовую полосу на кабаньих копытцах, увёртываясь от пограничника Карацупы и его верной собаки. Просто кто-то из моих армейских друзей занял достаточно высокую военную должность. Или не военную, а, например – государственную. Или не занял, а вот-вот займёт. Жизнь идёт, ребята делают карьеры, и кто-то оказывается в высоких кабинетах. А меня попросят к этому знакомому казачка засланного подвести. Ух, декаденты...»

– Ситв, я рад бы был вам помочь, но меня не осталось в России влиятельных знакомых.

– Ну, например, мы могли бы выбрать кого-нибудь из Ваших друзей в социальных сетях.

– В друзьях у меня там масса случайных людей. Людей, которых я никогда в жизни не видел. Я понятия не имею кто из них влиятельный, а кто нет. И уж тем более не могу обращаться к ним с такими просьбами.

– Ну, Алекс, всё не так плохо. Мы могли бы выбрать кого-нибудь из Ваших бывших сослуживцев по войсковой части номер 02279, или, как Вы его называете, Научный Институт 38. Армейская дружба ведь навсегда, верно?

Тому, что американец знает о том, что Сашин НИИ, и воинская часть с номером, начинающимся с нуля (а следовательно обозначавшим нечто секретное) – это одна и та же организация, Александр ничуть не удивился. Во-первых – наверняка интересующиеся закордонные спецслужбы этой информацией обладали давно, тоже мне, секрет Полишинеля. Во-вторых, теперь, во времена всеобщего головоутиательства, подобную (причём, частенько действительно секретную) информацию мог получить вообще каждый желающий. В любой социальной сети смотришь на профиль Ивана Петровича Сидорова, и видишь, что состоит он в группах «в/ч 012345» и «Энская Бригада Спецназа ГРУ». И друзья его в обеих группах присутствуют, и годы службы соответствуют. Вот и делают люди выводы. Удивительно было другое: зачем этот пират-Стив подобной информацией козыряет? Саша подумал-подумал, но сходу ничего не придумал.

А ещё, если честно Сашу поедом ело любопытство, так и подмывало спросить: «Ну, положим, я твоему другу помогу, а ты мне что? Что мне за это будет?». Забавно было бы узнать сколько готово платить самое богатое в мире государство, и готово ли вообще. А может – наоборот, ответят: «Если сделаешь всё правильно, то тебе ничего не будет, а если нет – будет тебе столько, что мало не покажется!». Однако домашняя заготовка – модель поведения, продуманная Сашей в двухчасовой период между звонком и встречей, такой поворот беседы напрочь исключала. Вопрос «А ты мне что?» подразумевает возможность торга, а вот намёков на то что «торг уместен» делать было никак нельзя. «Нет» – означает именно «нет», и всё тут! «Нет» должно звучать не как «Может быть, при определённых обстоятельствах», а как «Сотрудничать не готов, потому как боюсь обвинений в шпионаже – отлезьте, гниды!» А то ведь додают, как пить дать додают.

– Стив, большинство этих людей я не видел больше десяти лет. Очень жаль, но я не смогу помочь Вашему другу.

– Я уверен, Алекс, что Вы подумаете, и найдёте возможность помочь своей стране. – глаза американца теперь смотрели серьёзно и даже, пожалуй, многозначительно. Да и «своей стране» тот выделил весьма недвусмысленно, хоть принимай строевую стойку и запевай их смешной гимн, прижавши руку к левой стороне груди.

«Ты бы блин определился уже, просишь помочь лично те-

бе или своей стране.» – подумал Саша – «Да и пора бы понять что по-любому возможности и желания помочь Твоей стране у меня нету. Однако, обрати внимание: не потому что я страну твою не люблю, не любят её только враги демократии и всякие бородатые террористы. А я ведь – нет, я – просто абсолютно бесполезный трус и дурак. Вот на этой жизнерадостной ноте и закончим беседу.»

– Вы же знаете какие в России строгие законы, Стив. За шпионаж там сажают надолго. Извините, мне пора. Всего хорошего, Стив.

Стив теперь опять улыбнулся. Приветливо, открыто, как ударник труда с советского плаката. Пожимая Саше руку, старательно выговорил по-русски:

– До свидания, Алекс. До скорой встречи.

03. Товарищ ротмистр

– «До скорой встречи», говоришь?

– Угу, дословно: «До свидания, Алекс. До скорой встречи.», причём по-русски.

– Хех, значит, «Алекс»? Ай да Алекс, ай да сукин сын, не поддался Юстасу. Шурик-джана, пододвинь-ка сюда рюмочку, камрад контр-адмирал.

Если составить некую виртуальную шкалу «русскости» населения Солт-Лейк-Сити, поместив истых англо-саксонистых американцев у отметки «единица», а русских – россиян, белорусов и украинцев – у отметки «сто», то практически все уроженцы Великого и Могучего, включая прибалтов, да

и многие бывшие братья по Варшавскому Договору окажутся в цифрах выше девяносто пяти. Все, кто может говорить (или даже только понимать) по-русски, здесь считаются своими, советскими, нашими. Выпадут из этого пяти-процентного диапазона только бакинские армяне, потому что им на такой шкале придётся присвоить оценку «сто один». Бакинцы тут были пожалуй более русскими чем самые забубенные русаки – говорили они по-русски, по культуре были типично русскими, соответственно к России относились как к Отечеству. Поверх этого, оставаясь армянами, они не уставали подчёркивать что Россия, плюс ко всем своим достоинствам – верная союзница, а при нужде – ещё и грозная защитница Армении.

Арсен был исключением. Действительно, «джана» было пожалуй единственное армянское слово, которое он с удовольствием употреблял, а скорей всего и знал, но вместо России Арсен любил Советский Союз. Начиная военную карьеру в Бакинском общевойсковом Училище, Арсен уже курсантом успел поучаствовать в кровавых конфликтах, возникающих (как тогда казалось – совершенно стихийно и самопроизвольно) на просторах тогда ещё общей шестой части суши. Внезапно выяснялось, что одна группа «Единой Общности – Советского Народа» от начала времени ненавидит другую, причём у обеих групп есть организации, деньги и оружие вплоть до артиллерийских систем и самолётов. Военные же в районе конфликта считались сатрапами «СэСэС-

эРа – Тюрьмы Народов», и были ненавидимы обеими конфликтующими сторонами, получая плевки в лицо и выстрелы в спину. Поверх этого письменный приказ на решительные действия всегда отсутствовал, а устные распоряжения, напротив, всегда описывали ответственность, которая неотвратимо постигнет тех кто применит оружие против «мирных граждан», недвусмысленно намекая на то что от военных требуется стоять в стороне и ни во что не вмешиваться, а не то полетят клочки по закоулочкам, погоны полетят, а при плохом раскладе, возможно – и головы.

Доучивался Арсен уже в Челябинском танковом, а по распределению попал в Южную Группу Войск, в тогда ещё единую Чехословакию. Успел покомандовать разведвзводом, а потом, через два года (как перспективному офицеру и надлежит) – разведротой, второй раз попав под раздачу когда не к ночи будь помянутый Мишка-Меченый выдернул наши части из Восточной Европы чуть ли не за одну ночь, и войска выводились в чисто поле, в палаточные городки. Как было принято такое решение, по природной глупости-ли, или, упаси бог, по злему умыслу – теперь наверное и не узнать, а тогда – не до того было. А впрочем, разве встречаются природно-глупые руководители государств?

Саша, как и все, хлебнул лиха в начале девяностых, когда он, старший лейтенант (между прочим «Ваше Благородие», чёрт побери!) по тогдашнему текущему курсу получал пятьдесят один доллар в месяц. Будучи кадровым офицером

(да и стыдно по-другому то, если до тебя четыре поколения Тимофеевых были военными) Саша всё же понимал, что на момент он – офицер «паркетный», или если уж совсем радикально и по-честному, то: «штабная крыса». Расписываясь в ведомости чтобы получить пачку банкнот с сумасшедшим количеством нулей, Александр немного завидовал строевым офицерам, которым наверняка хоть паёк выдают, потому что для любого государства самоубийственно держать впроголодь людей, у которых в руках оружие. Теперь же, после знакомства с Арсеном, выяснилось что завидовать тогда было совершенно нечему – в линейных частях пайков тоже обычно не видели, если в городах можно было что-то купить, хотя бы и за дорого, то на периферии господам офицерам вместе с жёнами и детишками откровенно нечего было жрать.

Познакомились Саша и Арсен через девчонок – Сашина подруга Лариска приходилась жене Арсена Алле какой-то седьмой водой на киселе, а плюс к этому – и ближайшей подругой.

Вообще, как это ни странно, устойчивость любой компании держится именно на девушках – ребята обычно дружатся легко и непринуждённо, а вот у прекрасного пола взаимная приязнь возникает гораздо труднее. При отсутствии же приязни женщины растаскивают компанию как лебедь, рак, и щука.

Однако у Саши и Арсена тут проблем не было, да и дружить им было просто – служивые, одногодки, оставили го-

судареву службу почти одновременно. Оба, соответственно, были капитанами, правда, уже лет пятнадцать как – капитанами запаса. Саша, памятуя о «лошадиной» наследственности бронетанковых войск, обычно величал Арсена кавалерийским аналогом капитана «ротмистр» или казачьим «есаул». Арсен же Сашу называл как угодно, от «товарищ оберст» до «месье генералиссимус».

Была у Арсена ещё одна приятная особенность, которую Саша сейчас и собирался эгоистично и беззастенчиво эксплуатировать – Арсен был на пол-года постарше.

Вообще-то разница в возрасте с годами нивелируется, типа когда одному человеку год, а второму – два, то разница огромная – в два раза, как между сорокалетним и двадцатилетним. А вот когда одному сто лет, а другому сто один, то разницы в общем-то нет практически никакой. Тем более что в таком возрасте уже вряд ли помнишь сколько тебе лет, а сколько приятелю твоему, да имена (и своё, и его) наверное уже из памяти выскользнут.

А вот в сорок лет на какое-то время разница делается весьма ощутимой, потому что где-то около сорока всех без исключения людей начинает ломать пресловутый кризис среднего возраста. И ведь все знают что существует он – кризис-то, и каждому через него пройти придётся, и тем не менее, когда подходит срок каждый оказывается совершенно неготовым. Эх, нашёлся бы доброволец, написал бы книгу про этот самый кризис – озолотился бы, сумасшедшие мил-

лионы бы заработал. А может, уже и есть такая книга, но Саше она как-то вовремя не попала, вот и бился он с кризисом один-на-один, озадачиваясь глобальными вопросами персонального бытия. Вопросами, которые ещё пару лет назад казались глупыми и невозможными, а ещё через пару лет будут казаться наивными и ответов вовсе не требующими. Кризис среднего возраста – он в том собственно и состоит, что человек себе вопросы задавать начинает. А заканчивается этот самый кризис, когда ответы придуманы, или нашлись логические мотивы, духовные силы, и моральные средства, чтобы научиться эти вопросы игнорировать.

Вот и варился Саша в своём кризисе, шкварча и побулькивая, пока не выяснилось, что у Арсена кризис идёт с опережением на пол-года, и практически на все текущие Сашины вопросы есть Арсеновы ответы, просто потому что была у Арсена фора в шесть месяцев на то чтобы подумать и ответы эти найти. Вопросы – они, знаете-ли, у всех примерно одинаковые, и ответы к ним – тоже. Вот и сделался Арсен кем-то вроде Сашиного персонального гуру. А гуру – они ведь не только как источник вселенской мудрости хороши. Их можно и для анализа оперативной обстановки приспособить.

Уж чего-чего, а анализировать Арсен умел и любил, причём делал это сочно, со вкусом, частенько огорошивая Сашу нестандартностью выводов. Вот например, когда после Августовской войны Александр примчался к приятелю отпраздновать победу русского оружия, Арсен встретил его совер-

шенно неожиданной фразой:

– Это войну выиграл как раз тот, кто её начал.

– Ты чего, дорогой, СиЭнЭна натошак насмотрелся? – только и сумел сказать Саша после затянувшейся паузы. Ну никак не хотелось ему верить что Арсен, братушка, товарищ по оружию поверил пропаганде из американских новостей, неустанно повторявших что Россия опять выказала свой имперский норов, внезапно напав на маленькую но гордую демократическую Грузию. Ведь даже совершенно правдивые факты можно, знаете-ли, по-разному преподносить. Давным-давно был такой анекдот из разряда политических: Брежнев и Картер бежали марафон, и американский президент, будучи помоложе и поспортивнее, естественно выиграл у престарелого генсека. А газета «Правда» сообщила о результате, напечатав что Брежнев пришёл вторым, а Картер – предпоследним. Вот так вот – а ведь ни капли лжи, просто акценты расставлены как надо. А ведь в смысле виртуозности пропаганды нашей тогдашней «Правде» до нынешних американских газет да телеканалов – ой как далеко.

– Именно, СиЭнЭна и насмотрелся. – ничуть не обидевшись на Сашин выпад ответил Арсен. – А СиЭнЭн непосредственно восьмого августа, в первый же день войны сказал, что все двести «с копейками» американских военнослужащих собраны в безопасном месте и готовы к отправке на родину. О чём это говорит?

Саша уже понял что фраза про то тех, кто войну начал

и выиграл, была сказана специально чтобы подготовить слушателя к священнодействию образцово-показательного препариования «серой» информации, и приготовился наслаждаться.

– А говорит это нам, старым разведчикам, весьма многое. – продолжил Арсен после тщательно выдержанной паузы. – Во-первых, двести военных для того, чтобы обучить две тысячи грузинских солдат (а именно столько было обучено по программе партнёрства) мягко говоря – многовато. То есть, значительная часть этих американцев не обучала грузинских солдат, а работала военными советниками. В батальонах, а возможно что и в ротках, как в своё время во Вьетнаме. А значит предвоенного развётривания грузинской армии американцы не могли не заметить. Ну, если в каждом батальоне есть советник, не могут они не знать, где эти батальоны располагаются и что делаю, так ведь? И начальники этих советников, которым те докладывают, не могут не видеть всей картинки.

Саша машинально кивнул, стараясь быстренько найти в рассуждениях Арсена дырочку. Не то чтобы не верил Александр что Штаты знали про готовящуюся атаку на Цхинвал – да знали конечно, Саакашвили без разрешения Вашингтона не то что войну не начнёт, а и по малой нужде не сходит. Просто хотелось поспорить, чтобы Арсен не очень-то задавался. Любил Саша спорить, однако понимал, что сейчас логическая уязвимость в Арсеновых рассуждениях вряд

ли найдётся.

– Ну хорошо, давайте, месье фрегатен-капитан, предположим что не увидели американцы леса за деревьями, поленились на карте грузинские части нарисовать, и не поняли что вторжение готовится. – Арсен махнул рукой, как бы щедро отодвигая отринутый логический аргумент в сторону слушателя. – Но как они тогда своих людей за один день из воюющих грузинских частей сумели выдернуть, да ещё и в некое место для эвакуации собрать? Война, горы. Наши средства радио-электронной борьбы грузинскую систему связи давят, а грузинские – нашу. У нас – господство в воздухе, так что на вертолётах не сильно полетаешь. Да что там на вертолётах – и на машинах не очень-то покатаешься, легко можешь или на нашу разведгруппу наскочить, или вообще на бронеколонну – линии фронта-то нет, где свои где чужие – непонятно. Или под штурмовик попасть. Или грузинские же части по случайности обстреляют. А американцы вот так вот запросто своих людей в условиях военной неразберихи собрали за один день? Ой, не смешите! А я вот что скажу: такое чудо может случиться только если знаешь время «Ч» заранее, и людей своих начнёшь собирать загодя, не дожидаясь пока начнётся.

– Так никто и не спорит что Америка про военные планы Грузии знала. – отпарировал Саша. – Я, в общем, и не удивлюсь если не только знала, но и помогала разрабатывать. А с какого перепуга тот кто войну начал – тот её и выиграл-то?

Мы войну выиграли, а не они! Мы! А начали – они.

– Нет, дорогой. Америка войну выиграла сразу после первого выстрела, вне зависимости от исхода боевых действий. – покачал готовой Арсен. – Америку любой вариант развития событий устраивал. Если Россия за осетин не заступится, или заступится не сильно стараясь, просто обозначая активность – то выиграет Грузия. И получится что маленькая, но обученная американцами армия напинала большой, но неуклюжей России. Ну и конечно же все увидят что демократия шагает по планете, а Россия – союзник никакой, и друзей своих защитить не в состоянии. Другой вариант: Россия в конфликт вмешается и добьётся военной победы. В таком случае получается что Россия – агрессор, и те грузины, которые не одобряют нынешнюю шизофреническую русофобию, своё мнение попридержат. А впрочем, какое там «попридержат» – они сами русофобами сделаются как миленькие. Ведь рассуждать о том, с кем дружить, а с кем – нет, можно только до первого выстрела. А дальше срабатывает извечное «наших бьют!». После этого остается только защищать своих, и ненавидеть тех, кто в них стреляет.

– Ну, напинали-то, слава богу, мы им а не они нам. – угрюмо ответил тогда Саша. – Кстати, Саакашвилищине теперь хотя-бы дорога в НАТО закрыта.

– Напинали. Слава богу. Конечно, лучше так, чем наоборот. – легко согласился Арсен. – А вот про НАТО... А зачем Америке Грузия в НАТО? В НАТО – всякие прочие

там Франции, да Исландии с Норвегиями. И все ведь с номинальным правом голоса, куча регламентирующих документов, политики всякие европейские под ногами путаются. Штаты в НАТО главные, но не единственные. А с Грузией у Америки и так прекрасные двусторонние отношения. Захочется американцам в Грузии войска разместить, или так какую-нибудь технику разведывательную, грузины сразу согласятся, да ещё и спасибо скажут. Верно?

– Верно... – согласился тогда Саша, в очередной раз подивившись нестандартности мышления Арсена.

Ведь все мы мыслим штампами, причём – не потому что тупые или ленивые. Наши головы так устроены чтобы время экономить, не передумывая одни и те же мысли заново каждый раз. Вот и получается: «Америка в НАТО главная» и «Грузия хочет в НАТО» вместе означают «Америке выгодно чтобы Грузия вступила в НАТО». И очень немногие умеют остановиться и спросить себя: «А, собственно говоря, почему?», вытащив размышления из накатанной колеи. А вот Арсен как умел, и теперь Саша это умение собирался всю использовать. А впрочем, и без умения этого надо было Саше срочно выговориться – переволновался он сегодня. Хотя, чего себя-то обманывать? Не переволновался, а откровенно испугался.

Сегодня женщины расположились в комнате – и смотрели какой-то слезоточивый сериал по русскому спутниковому телевидению. Ну а мужчины – там, где нашему человеку и

надлежит обсуждать жизненно-важные вопросы – на кухне. Пересказ событий близко к тексту занял всего пятнадцать минут и по две рюмки водки – виски Арсен принципиально не употреблял и даже дома не держал. Пили и беседовали, соответственно, без дам, и практически без «стола».

Стандартные посиделки у Арсена отличались истинно-армянским изобилием и роскошью. Саша с Лариской обычно приносили водку для господ офицеров, пиво – чтобы эту водку запивать, вино для девчонок, иногда – что-нибудь «на сладкое». Арсен же заранее выгонял супругу с кухни, а сам метался между плитой и грилем. На плите готовилось всегда что-то новое, высмотренное на каком-нибудь кулинарном веб-сайте, да так чтоб поэкзотичнее. А на гриле, конечно же – шашлык. Гриль у Арсена был не на углях, а газовый, за что Саша неизменно упрекал приятеля в предательстве святынь армянской нации, но, надо признаться, шашлык всегда был – просто супер.

Сегодня же времени приготовить ужин не было – Александр запросил внеплановой «аудиенции» – необходимость выговориться до завтра никак не терпела. По-этому девчонок мягко, но настойчиво выпроводили в комнату смотреть телевизор, а сами принялись обсуждать вынырнувшую из ниоткуда Сашину проблему, запивая её водкой и закусывая тем, что нашлось в холодильнике.

– Думаешь, гражданин ландскнехт, этот типус просто стандартное выражение из учебника русского языка употре-

бил, или действительно намекал что встреча не последняя? – Арсен задумчиво крутил в пальцах вилку, только что употреблённую для вылавливания из банки закуского маринованного огурчика.

– Да бес его разберет. Я же вроде достаточно недвусмысленно объяснил что сотрудничать с ними у меня никакого интереса нету, соответственно, и встречаться ещё раз – тоже. Хреново то, что я так и не понял, хотели они на меня посмотреть так, на всякий случай, а про познакомить их человека с кем-то из моих знакомых лягнули просто для проверочки, типа чтобы на мою реакцию на такое предложение глянуть... – размышлял вслух Саша, поглядывая на свою рюмочку. – Или же я им нужен для какого-то конкретного проекта. Если для конкретного, они могут оказаться гораздо более настойчивыми.

– А ты, Сашок, понимаешь что любая спецслужба человеку может бесповоротно испортить жизнь, если этим озадачится? И даже не то чтобы озадачится – мелковаты мы для этого. Не озадачится, а только подумает а том, чтобы озадачиться. Даже какая-нибудь контрразведка Зимбабве, или там Буркина-Фасо. А американская контора, да ещё и на американской земле – так особенно...

– Спасибо, млин, утешил, дружище ... – хмыкнул Саша, и толкнул пустую рюмку в сторону Арсена.

Арсен разлил водку, и наполненная на две трети (чтобы не расплескаться) рюмка отправилась в обратное путешествие

по пластиковой поверхности. Потянувшись через стол чёкнулись, кивнули друг-другу, и выпили без тоста.

– Если ты им действительно нужен, герр адмирал, – продолжил мысль Арсен – они тебя по-всякому к сотрудничеству принудят. Не мытьём так катаньем. Что называется – «по плохому». Остановит тебя полиция за что-нибудь насквозь рядовое и нейтральное, а потом внезапно найдут в машине килограмм кокаина. Вывели болезного, руки ему за спину... А потом придёт в твою камеру этот твой Цээрушник, и скажет: или, мол, проявляй усердие и делай что велено, и тогда дело твоё бесследно растворится. Оно не растворится конечно, а отправится на полочку, чтоб тебя и дальше на коротком поводке держать. Ну, а не хочешь проявлять усердие – пожалуйста в тюрьму на десять лет. Или на двадцать... или на сколько тут принято давать за наркоту в этих количествах...

– Румошник.

– А?

– Румошник, а не Цээрушник. Он был из РУМО – Разведывательное Управление Министерства обороны. Типа нашего ГРУ.

– Да знаю я что такое РУМО! – Арсен даже не нашёл нужным обидеться на косвенное обвинение в военной неграмотности – Какая разница? Во-первых, он тебе ксиву любую мог показать, мало-ли какая у кого легенда прикрытия. Знаешь что такое вербовка «на чужой флаг»? Вот то-то.

– Не то чтобы представляю, но по контексту уже догадался.

– Это вербовка под чужим именем, от лица не той организации, за которую себя выдаёшь. – на всякий случай пояснил Арсен, пропустив мимо ушей Сашино «догадался». – Теоретически не только организации, но и страны. Хотя я думаю что такую экзотику можно вовсе не рассматривать. Полагаю, ты можешь быть интересен кому-либо только по линии Россия-США, а третьей стране с тебя взять, уж извини, нечего. Ведь нету, Саня, у тебя в голове, так сказать, «общеупотребительных» секретов?

– Нету. – с удовольствием согласился Александр. – Нет общеупотребительных. Да и никаких уже нет – сколько лет прошло.

– Всяким «неправительственным» конторам, вроде мафии, или всяких там масонов с розенкрейцерами, ты вроде тоже не нужен. Из тех же самых соображений. Высокий пост ты не занимаешь, к большим деньгам доступа не имеешь.

– Ага.

– Вот и хорошо. Тогда давай исходить из того, что этот твой перец был местный, штатовский, причём – государственный. Но он с таким же успехом из РУМО как и из ЦРУ, ЭнЭсЭй, всмысле АНБ, внешней контрразведки ФБР, да кто угодно. Тут в разведывательном сообществе штук двадцать организаций числится. Например, ты обратил внимание, что если поискать, то в прессе всегда можно найти объявления

о наборе на работу в ФБР и ЦРУ? А объявлений с предложением работы в АНБ не бывает никогда, хотя там штат – в четыре раза больше чем у ЦРУ. Понимаешь, о чём я?

Саша кивнул. Действительно, с тех пор как Америка начала бороться с терроризмом во всех уголках земного шара, объявления о наборе в ФБР – Федеральное Бюро Расследований, и в ЦРУ – Центральное Разведывательное Управление стали появляться очень часто. Про армию, флот, и корпус морской пехоты – и говорить нечего. А вот Агентство Национальной Безопасности – то самое гигантское и жутко секретное АНБ, занимающееся электронной разведкой, прослушкой, криптографией, и прочими интересностями – оно как-бы никого никогда и не нанимает. Что ж, логично предположить, что АНБ просто набирает народ под другими вывесками. И вроде бы любому эта мысль должна казаться простой и понятной. Но Арсен гипотезу эту выделил, оформил, и озвучил – ну хотя бы для Саши. Вот она – разведывательная закалка.

– Тебе бы, мой головастый друг, в своё время в аналитике служить, а не в силовой разведке по лесам шастать. Понял я, понял: типа на стене сарая х... – Саша оглянулся на комнату, где сидели девчонки, и слово целиком произносить передумал. – ну, в общем известно-что написано, а внутри сарая – совсем не это, внутри – дрова лежат.

– Ну да. А во-вторых, – продолжил прерванную мысль Арсен. – действительно, какая разница-то? Или ты думаешь,

что если это действительно РУМО, то они проникнутся к тебе нечеловеческой любовью как к армеуту, соответственно – коллеге, да и отпустят с миром? А потом догонят, и банку варенья с корзиной печенья добавят?

– Ты, горячий восточный человек, не кипятись и меня не запугивай. Я уже запугался, без твоей блин помощи. – прервал его Саша. – Лучше что-нибудь конструктивное подкинь. Я и сам ещё до встречи, за вчера да за сегодня много чего передумал, особенно как раз про варианты «по плохому» и «по очень плохому», про подставы всякие. И тоже пришёл к выводу, что если захотят надавить – то ничего не сделаешь. Сплющат.

– А я и конструктивно... – примирительно подмигнул Арсен – это я так «адвокатом дьявола» работаю. Ну, и параллельно мыслю вслух. У тебя было время подумать, а у меня – нет. Ты, Шурик, не расстраивайся раньше времени, никто ведь не умер, соответственно ничего непоправимого не произошло...

Арсен приглашающе показал глазами на Сашину рюмку, и та вновь заскользила по пластику в сторону хозяина дома.

– Давай, старина, излагай – чего ещё вчера надумал?

– Надумал что теоретически можно устроить западло и гораздо проще, не устраивая полноразмерную операцию и не посвящая в неё всяких там полицейских, которым придётся наркотики найти, или, скажем – ствол, из которого кого-то недавно мочканули.

– Ты, Сашок, намекаешь на то, что можно просто своих сотрудников в полицейскую форму переодеть?

– Можно, но так или иначе надо будет в участке объяснять откуда я взялся весь такой криминальный, так что кого-то стороннего посвящать в игру придётся. Нет, Арсенище, слишком сложно получается, я думаю что усложнить жизнь мне можно издаля, так сказать – бесконтактно...

– Секундочку, секундочку, придумчивый ты наш, товарищ леутёнант-командэр, – Арсен привстал с высокой табуретки, поднял рюмку, отставил локоть, и басом киношного генерала Иволгина добавил – Ну, за интеллект!

– За интеллект!

Саша впервые за вечер улыбнулся. Уровень алкоголя в крови гнал страхи-волнения прочь, и позволял посмотреть на возможные, но далёкие (и пока что чисто теоретические) неприятности как-бы со стороны. Ситуация уже не казалась безвыходной, и где-то в подсознании шустрой рыбкой мелькала мысль. Правильная, нужная мысль. Решение. Вот только никак не получалось эту мысль зафиксировать и как следует рассмотреть.

Выпив, и осадив заботливо предложенным Арсеном огурчиком, Саша протестующе замахал на протянутую бытылку пива, указывая на шкаф, где за стеклом выстроились стаканы. Пиво из горлышка Саша никогда не пил, утверждая что благородный напиток в глотку должен устремляться могучим потоком, а не цедиться хиленькой струйкой. Арсен в

ответ Сашин жест повторил – указал на шкаф со стакаками, напоминая Александру что он хотя тут и гость, но всё же человек не чужой, понадобится ему стакан – сам может встать, открыть шкаф, да и обзавестись ёмкостью для пива. Саша слезть за стаканом поленился – решил, что и огурчика хватит.

– На чём остановились? – Арсен хрустел братом-близнецом Сашиного огурчика. – Так что там про бесконтактность?

– Говорю, гадости можно делать не отрывая попы от стула. Например занести меня в «нот-ту-флай лист», знаешь, такой список личностей, коих на самолёты не пускают из-за их потенциально террористических наклонностей и прочих гнусностей характера... Клацнул парой кнопочек на клавише – и сидит Сашик, никуда не летает, а если захочется в отпуск домой, то только на кораблике, месяц – туда, месяц – обратно. Утешает только то, что я им если и нужен – то наверное в Москве. Нету им смысла меня к американской территории приковывать.

– Это – да. Будем надеяться что спецслужбы работают логично, и не найдётся злобненького дурака, который просто захочет насыпать тебе соли на хвост. Ты ведь, сеньор комдив, на днях в отпуск улетаешь? Вот и проверим... будем, как говориться, посмотреть...

– Ага, классика жанра, про «наиболее опасные эксперименты – на наименее ценных членах экипажа».

– Ну а ещё, например, можно – с демонстративно-меч-

тательным видом сказал Арсен. – попросить какой-нибудь прикормленный банк, или прочий финансовый институт тебе кредитную историю испортить. Чтоб жизнь мёдом не казалась.

– Экий вы, ротмистр, креативный сделались. Bravo! Однако – мимо, у меня уже кредитная история такая, что банки скоро не только чеки мои принимать не будут, но и кэш, э... простите – наличность из моих рук брать заботятся. Но ход ваших мыслей мне нравится.

– А с другой стороны, может быть это как раз то что тебе нужно, а, Саша? Сделают они твою жизнь в Америке невыносимой, и ты перестанешь копить деньги на, как ты говоришь «безболезненный переезд», поднимешь руку, разко опустишь её с соответствующими словами, да и уедешь домой?

– Тоже верно... А ты знаешь, Арсенище, я бы с удовольствием бы сел в тюрьму, только чтоб ненадолго. Суток на пятнадцать. В одиночку, и чтоб не было в камере ни компьютера, ни телевизора, ни книг. Отоспался бы за всю эту дурацкую взрослую жизнь. – сказал Саша, мечтательно подняв глаза. А потом решительно продолжил: – Да и вообще, чего сидеть и думать с какой стороны гадости ожидать, и какой именно эта гадость будет? Если что-то случится, то будет это самое «что-то» внезапным и неотвратимым. И не собираюсь я на эту тему париться. Что будет – то будет, по-любому надо жить дальше.

Опять наполнив рюмки, Арсен выудил из банки два следующих огурчика. Приятель казался ему повеселевшими. Уже не напряжённым, не взволнованным, и уж конечно не испуганным, а скорее пьяненько-умиротворённым. Да и умонастроения высказывал правильные. Можно считать что цель вечера была условно достигнута.

– У вас кто машину-то ведёт? А, ваше полупьяное высоко-родие? – запоздало спросил Арсен вдогонку очередной рюмке, опять скользнувшей по пластику стола в Сашином направлении.

– Лариска! – мгновенно отреагировал Саша. Потом смерил взглядом уровень водки в ёмкости подле Арсена, и понял что ответил совершенно правильно. Эко они вдвоём совершенно между делом бутылку приговорили – буквально на доньшке осталось. – А помнишь, старина, я тебе рассказывал про своего любимого одноклассника Мишку?

– Ну да, у которого дача в Козельске. – ответил Арсен, наслушавшийся уже историй про Сашины отпускные приключения.

– Не в Козельске, а в Калязине. Ну так вот, ты знаешь как они с супружницей решают, кому с этой самой дачи до Москвы рулячить? Они воскресным утром просыпаются, и наперегонки мчатся на кухню. Кто первый добежал, а потом себе пол-стакана водки налил и выпил – тот машину не ведёт, потому что пьяным за руль нельзя. Так что остаток воскресенья пьёт что хочет, наслаждается жизнью, и едет себе

потом спокойненько пассажиром.

– Ну, да, ты что-то вроде этого только что и проделал. – сощурился в улыбке Арсен, и для убедительности потряс практически пустой водочной тарой. – Ничего, Саня, пей-пей, сегодня – надо. Я и сам, когда тяжёлый день выпадает, бывалыча напьюсь буквально до зелёных соплей. После такого утром встаёшь, физическое самочувствие – просто жуть. Зато всю дрянь с души водка смыла.

– А и напьюсь. – браво ответил Александр, а потом пригорюнился, глядя как собутыльник выцеживает в рюмки последние капельки огненной воды. – Тоже мне, «»Козельск«». Эх ты, горе-топограф! А ведь записной службист, семь пар железных сапог износивший, кирзу вдыхавший обеими ноздрями.

– Так мне, Саша, за знание географии родной страны не доплачивали, мне исключительно географию супостата знать надо было. Хочешь, назову все населённые пункты Западной Германии в зоне ответственности нашей дивизии, в которых американские или бундесверовские части расквартированы?

– Да назовёшь наверное. Только части эти небось давно уже не в Германии, а в Чехословакии, на месте вашей дивизии и сидят. Да и не в Чехословакии уже, а в Чехии или в Словакии.

– Угу, была нормальная страна, участник европейской политики. Не прима конечно, но какой-никакой, а игрок. А

получилось два бессильных карлика. – погрустнел Арсен. – Жалко, хорошая была страна Чехословакия.

– А пиво было какое... – поддержал Саша, переводя взгляд с наполненных где-то на треть рюмок на пивные бутылки. – Особенно по советским-то временам.

Впрочем, переходить на пиво было пожалуй поздновато. Если бы сразу взялись им запивать – эффект был бы лучше. А сейчас и водка закончилась, конечно же не произведя должного эффекта таким ничтожным количеством (ну что такое одна бутылка на двух здоровых мужиков?), и градус понижать не хотелось. И все вопросы вроде бы обсудили. Короче говоря, в ответ на вопросительный взгляд приятеля, Саша покачал головой, и кивнул не на пивные бутылки, а на сиротливые остатки водки.

– Да и правильно, Сашок – оживился Арсен, похоже – довольный, что вечер близится к финалу. – Вот и молодец, давай-ка на посошок, потом – по стремянной, и закругляемся. Я завтра работаю – вот такое хреновое воскресенье получается. А тебе на днях – на самолёт и в Ма-а-аскву, по настоящей Красной Площади гулять, и крем-брюле кушать. Это при хорошем раскладе. А вот при плохом – за какой-нибудь там кокаин отдуваться. А я тебе передачи носить буду. Опять же – тут в тюрьме пироженки дают, отдохнёшь, поправишься. Анжела ты наша Дэвис с Нельсоном Манделлой в одном флаконе, неутомимый борец с американским империализмом, бесстрашно отринувший хищную когтистую лапу бур-

жуазной разведки. И отоспишись, кстати, на том же ходу.

– Грешно смеяться над больными людьми. – перебил тираду Александр. – Или это ты меня так лечишь по методу доктора Геббельса? Типа «Одна боль заглушает другую»? Тебе-то хорошо, а сам бы ты как поступил, а?

– Я-то? – Арсен смотрел уже без улыбки. – Надеюсь, братка, вопрос твой риторический, потому как мы с тобой не первый день знакомы. Однако, чтобы поддержать боевой дух старого товарища, могу повториться... Я, Саша, по-любому с ними, как говориться, на одном поле не сяду. Они ведь, Сашок, страну нашу с тобой развалили. Не самую плохую страну кстати. Да так развалили, что мне теперь и возвращаться некуда. Эх, да ладно, про это всё уже давно говорено-переговорено... Да и вообще, что-то мы увлеклись. Болтун – находка для шпиона, извини за каламбур, конечно же не совсем уместный в твоей ситуации.

Вот оно: «Болтун – находка для шпиона»! Рыбка-мысль, вилившая вокруг с самого начала вечера, хитро прищурилась, и выскочила из подсознания прямо в руки.

Саша наклонился через стол и уставился на Арсена с таким победоносным видом, что тот даже приостановил приготовления к «на посошок». Так и застыл с банкой маринованных огурцов в одной руке, и вилкой – в другой, выжидательно-изучающе глядя на Сашу.

– Ты, мин херц, только что придумал как украсть миллиард, изобрёл лекарство от рака, или открыл закон Кулона?

– Херц ты сам, за «херц» ответишь – скороговоркой выстрелил Саша стандартный ответ. – На чём работает разведка?

Арсен вопросительно поднял бровь и ничего не ответил.

– На чём работает разведка? – повторил Саша. Ему нетерпелось поделиться идеей, но мысль ещё не обрела словестную форму.

– Не совсем понял вопрос, сэр подхорунжий. Во-первых, смотря какая разведка, а во-вторых... На информации? На деньгах? Много на чём...

– Извини, старина, не так спросил. – Саша решил обойтись без картинных наводящих вопросов, и перешёл к быстрому монологу, спеша изложить блестящую, как ему сейчас казалось, мысль. – Разведка может работать только пока её действия с собственно разведкой никак не ассоциируются. Как только активность засвечена, и тайное стало явным, разведка работать не может, верно? Или вот как: сущность работы любой секретной службы заключается именно в секретности, так ведь?

Арсен молча кивнул, разом отвечая на все Сашины «верно?» и «так?», совершенно справедливо полагая что развёрнутых ответов от него сейчас и не ждут.

– А теперь представь, что я на каждом углу буду трубить, что ко мне американская разведка пыталась подкатиться. Подписки я этому колорадскому кренделю никакие не давал, сотрудничать отказался. Получается – с меня взятки гладки,

и им я ничего не должен. Кому хочу – тому эту историю и рассказываю. А хочу я рассказывать абсолютно всем. Ну вот такое я трепло, болтун и дурак. Нет лучше щита чем дурацкий колпак с бубенцами.

– И в результате ценность твоя для разведки обнуляется. – подхватил мысль Арсен, поднимая рюмку. – То-есть наехать на тебя они теоретически могут, только на фиг ты им нужен такой засвеченный, если агентурить тебя больше толку никакого нет. Ай Александр свет ... эээ?

– Владимирович – ответил Саша, мысленно похвалив себя за давешнюю догадку с отчеством, раз даже дружище-Арсен его отчества не знает.

– ...Александр свет Владимирович, ай светлая голова. За победу!

– За Нашу победу! – подмигнув, ответил Саша.

04. Ладья

Валентин Борисович Аверин вышел из служебного автобуса и зябко поёжился. Несмотря на то, что календарная весна официально наступила, московская погода оставалась типично зимней, как в месяце марте и должно быть. Бросив смурной взгляд на низкое небо, подполковник Аверин закутался поплотнее в совершенно гражданское пальто, и зашагал по чистой дорожке к месту службы – одному из корпусов Штаб-квартиры Службы Внешней Разведки.

Уже в кабинете, повесив пиджак на »плечики«, а «плечики» – в стенной шкаф, на пути к рабочему столу Валентин

Борисович бросил взгляд на часы – семнадцать минут десятого. Московские пробки сказываются даже на служебных автобусах, утром подбирающих сотрудников СВР в условленных точках и доставляющих сюда, на окраину Москвы, в Ясенево. Именно из-за пробок Валентин Борисович предпочитал служебный автобус своему достаточно новому Фольксвагену. Не то чтобы он не любил водить машину – конечно любил, как русскому мужику и свойственно. Однако по Москве это уже не вождение, а стояние. Вернее – сидение. Как там было в «Летучей мыши»? – «В тюрьме покой и тишь, и даже если ходишь ты, то всё равно сидишь». Вот и в пробке ты если стоишь – то всё равно сидишь, только в автобусе сидеть удобнее, можно и книжку почитать, и с сослуживцами поговорить. Поговорить исключительно на отвлечённые темы конечно, на служебные темы в непредназначенных для этого помещениях говорить не следует. А если нужно поехать куда-нибудь во время рабочего дня, так можно и дежурной служебной машиной воспользоваться. Однако служебной машиной товарищ подполковник пользовался редко, потому что в интересах службы перемещаться по Столице ему было практически некуда. Сфера служебных интересов Валентина Борисовича находилась далеко от Москвы, далеко от России, и даже далеко от континента Евразия. Валентин Борисович был сотрудником северо-американского управления, чем совершенно заслуженно гордился.

Поудобнее усевшись в кресло, Аверин машинально убе-

дился что лампочка на матово-чёрном ящичке под монитором горит под цифрой «один», а значит монитор, клавиатура и мышка сейчас подключены к первому компьютеру – тому, который и предполагалось использовать. Тронул мышь, и компьютер под столом зашелестел жёстким диском, а монитор тихо щёлкнул, просыпаясь, и плавно повысил яркость.

Картинка, на которую сейчас смотрел Валентин Борисович, привела бы в замешательство подавляющее большинство пользователей персональных компьютеров, привыкших к Майкрософтовским «Окошкам». Энтузиастам же «ничейной», бесплатной операционной системы «Линукс» она, напротив, бы показалась знакомой. На этом компьютере работала «дочка» Линукса, российская МСВС – Мобильная Система Вооруженных Сил. Нашлись, слава богу, умные головы в армии и спецслужбах в нужное время, занялись созданием своего программного обеспечения в тот момент, когда Российское правительство заключало с Майкрософтом договор на поставку «Окошек» для госучреждений. По этому самому договору Майкрософт предоставляло исходные коды программ для проверки российскими специалистами. А что толку-то, если обновления американцы пекут как блины, чуть ли не каждую неделю? Все же обновления вовремя не проверишь... И ведь что характерно: договор этот был заключен в тот же год, когда в Германии был принят закон, запрещающий установку чужих операционных систем на правительственные компьютеры, потому что немецкое прави-

тельство не хочет чтобы американское правительство читало то, что немецкое правительство пишет.

В отличие от «Окошек», МСВС была собрана насквозь проверенными российскими специалистами из предварительно многократно прочитанных исходных кодов Линукса, и не могла содержать закладок, шпионских программ, или просто вирусов. Компьютеры под управлением МСВС были соединены во внутреннюю локальную сеть Ясенево, целиком отрезанную от внешнего мира. Вернее, Валентин Борисович полагал что отрезано Ясенево от внешнего мира не то чтобы совсем целиком, должны были быть какие-то соединения с другими объектами СВР, с ФСБ, ФСО, ГУСП, а так же скорей всего с военными в ГРУ, и, возможно, с дипломатами в МИДе. Однако, если такие соединения и были, то ими занимались технари, сидевшие за дополнительной парой бронированных дверей. Подполковнику же Аверину о таковых знать не положено. Да и не хотелось вовсе – в разведке лучше знать только то, что тебе действительно необходимо по службе.

После ввода имени пользователя и пароля, в углу экрана замигала иконка нового сообщения. Кликнул, прочитал: «В девять сорок зайди к шефу». Сообщение и пришло именно от этого самого шефа – Сергея Петровича, непосредственного начальника подполковника Аверина. Несмотря на то, что вызовы к начальству большинство граждан как минимум настораживают, Валентин Борисович вызову к начальству ско-

рее обрадовался, потому что относился к тому мизерному, но счастливому проценту трудоспособного населения, который действительно любит свою работу.

Большинство должностей в Генштабе – полковничьи. Идя по коридорам белого здания на Арбате очень редко увидишь россыпь мелких звёзд старлеев и капитанов. Чуть чаще встречаются большие шитые генеральские звёзды. А вот полковники представлены в изобилии. Полковники тут буквально все – и те, кто занимается учётом и выдачей карт, и те, кто на этих картах рисует схемы будущих сражений, и те, кто эти схемы утверждает. По-этому существует присказка о том, что в Генштабе офицеры делятся на три категории «эй, полковник», «полковник», и «товарищ Полковник». Спецслужбы гораздо скромнее подходят к раздаче воинских званий, по-этому полковник тут – большой начальник, зато подполковников хватает. Если провести аналогию с Генштабом, подполковник Аверин относился как раз к категории «товарищ Подполковник». Служил он в структуре североамериканского направления, и был «вольным стрелком», «свободным охотником», или «варягом», то-есть занимался подготовкой и проведением особо-важных, «разовых» операций в США, Канаде, а с недавних пор и в Мексике. Работу свою Валентин Борисович не просто любил, он считал себя откровенным везунчиком – слишком мало людей около «полтинника» (а до сакраментальной цифры «пятьдесят» оставалось не так уж много) действительно ходят «на работу как

на праздник».

Судите сами: во-первых, каждая операция – всегда новое приключение. В разведке, как и в любой организации повседневной рутины достаточно, а у Валентина Борисовича – практически свободное творчество.

Во-вторых, мир посмотрел, и ещё посмотрит, и работает почти всегда под дипломатическим прикрытием, что немало важно. Бывают разведчики – нелегалы. Живёт такой нелегал под видом местного бизнесмена, или эмигранта-таксиста, или какого-нибудь глухонемого пастуха, и ходит каждый день по лезвию бритвы, потому что контрразведка страны пребывания не дремлет, во-всю на шпионов охоту ведёт. А поймает – случится срок в местах «не столь отдалённых». Конечно, разведка своих не бросает, но всё равно, пока тебя обменяют, или ещё как-нибудь договорятся, придётся немного просидеть и изрядно поволноваться. А Валентин Борисович обычно работает под дипломатическим прикрытием, то-есть совершенно официально приезжает в страну проведения операции как секретарь посольства, или атташе, или хотя-бы дипкурьер. Это значит что у него – дипломатический иммунитет, и максимум что может случиться – так это высылка из страны. Впрочем, такого никогда пока не случалась, и ни одна операция откровенным провалом не закончилась.

В-третьих, так уж было заведено что и отвечал за всё сам, и решения принимал сам. Сам разрабатывал план опера-

ции, сам подбирал людей, и после утверждения плана шефом, подготовку, и оперативное руководство осуществлял лично. Самое интересное начиналось в активной фазе операции. Чертовски приятно было ощущать за своей спиной всю мощь огромной страны, Державы, Империи. Валентин Борисович знал, что если понадобится, то он буквально может попросить, а вернее потребовать звезду с неба, и если такая техническая возможность есть, то специально обученные незаметные люди эту звезду с неба выхватят, и доставят в указанное место.

Впрочем, подполковник Аверин дело своё знал крепко, и проколов, требующих нечто экстраординарное в качестве заплатки, практически не случалось – спутники оставались на плановых орбитах, и подводные лодки не меняли курс по внезапному и непонятному приказу. Впрочем, однажды исследовательское судно «Академик Сергей Вавилов», бросив научные исследования, на полной скорости аж тринадцать с половиной узла бросилась к берегам Мексики, где и проторчало четыре дня на самой границе территориальных вод. Судно это могло стать резервным вариантом аварийной экс-фильтрации одного мексиканского сенатора, и было выбрано просто потому что оказалось ближе всех к месту событий. Впрочем, резервный вариант не понадобился – обошлись основным.

А история кстати получилась достаточно забавная. Один мексиканский сенатор – кабальеро, ведущий родословную от

одного из лейтенантов того самого Кортеса, оказался в стеснённых финансовых обстоятельствах, и сам предложил российской разведке свои услуги. Конечно, он не выкрадывал тёмной ночью какие-нибудь планы развёртывания третьего батальона оакаханских стрелков на случай осложнения обстановки на границе между Гватемалой и Белизом. Нет, попади в руки разведки такие материалы – их конечно не выкинут, разведка вообще никакую информацию не выкидывает. Но и специально тратить время и деньги на получение сведений такого калибра никто не станет. Мексика с военной точки зрения – страна совершенно скучная. А вот с экономической – даже очень интересная: сто миллионов человек, южный сосед США, нефть на океанском шельфе, и кое-какая промышленность – между прочим, каждая третья машина, считающаяся американской, на самом деле собрана в Мексике.

Так вот, этот самый кабальеро сделался как раз так называемым «агентом влияния», то-есть он лоббировал интересы России. Проталкивал, миляга, в правительстве решения, выгодные российскому бизнесу или политике – что в общем-то в наше время практически одно и то же. Надо признаться, немалые деньги, падавшие на офшорные счета кабальеро (в форме как-бы доходов от безумно прибыльных финансовых операций) безусловно окупались. Не без его участия мексиканское правительство закупило партию вертолётов Ми-17Б, что приятно и тем, что янкесам нос утёрли, продав их непо-

средственным соседям российское оружие, и тем, что оборонка подкормилась, да и подкормится ещё не раз и не два на запчастях и техобслуживании вертушек.

Однако с некоторых пор сенатор начал страдать «синдромом нелегала» – везде ему мерещилась контрразведка, люди с направленными микрофонами и длиннофокусными камерами, слежка, тёмные личности задающие странные вопросы его знакомым, и всё такое прочее. И вот однажды нервы кабальеро не выдержали. Ожидая, что с минуты на минуты его арестуют и осудят как русского шпиона, он пустился в бег, предварительно отправив почтой в адрес популярной телестудии видеокассету. На кассете, в смятении души записанной прямо перед отъездом, сенатор красноречиво обвинял президента в ползучей узурпации власти, культе личности, фашистских наклонностях, и прочих стандартных грехах. Кабальеро справедливо полагал, что слава диссидента и борца за демократически идеалы в глазах общественного мнения легко превратят его в узника совести, невинную жертву, на которого власти пытаются повесить сфабрикованные обвинения в шпионаже.

Только через три дня неспешная мексиканская почта, скорость которой не сильно отличается от скорости почты в российской глубинке, доставила посылку с кассетой в телестудию – на другой конец Мехико-сити. Надо заметить, что все эти три дня за сенатором никто не гнался, потому что контрразведка и не думала его разрабатывать.

Вообще, в любой стране мира контрразведки, полиции, и прочие тайные и явные силовики не спешат заводить дела против сильных мира сего, потому что может получиться себе дороже. Вернее, всей службе-то конечно ничего не будет, а вот конкретным людям (поторопившимся поторопились принять решение, осложнившее жизнь крупного политика или бизнесмена) – так запросто может nepоздоровиться. По-этому названные конкретные люди в погонах обычно и не предпринимают агрессивных шагов, не заручившись поддержкой другого неслабого политика или бизнесмена, потому что инициатива, как известно, нагибает инициатора.

Именно так и случилось в нашем случае – кассета, пришедшая на студию, конечно же не была с большой помпой озвучена в ближайшем же выпуске новостей. Вместо этого видеозапись эта была доставлена президенту соратниками, ещё раз продемонстрировавшими верность партии в целом, и лояльность многоуважаемому главе государства лично. Президент распушил свои знаменитые усы, и сказал что-то типа «Ату его, ату!», только по-испански. Спецслужбы, получившие отмашку, мгновенно нашли у беглого сенатора то, чем грешат практически все опальные политики от южной границы Техаса до мыса Горн – связи с наркобаронами. Начиная с этого момента и полиция, и контразведка, азартно гикая и улюлюкая, с приличествующим старанием кинулись в погоню за кабальеро.

А кабальеро уже давно никуда не бежал. А куда ему бы-

ло бежать-то? На севере от Мексики – Соединённые Штаты Америки, которые обязательно выдали бы Мексике пособника русской разведки. На западе и востоке – океаны. Остался юг. Доехав до самого южного штата Чьяпас, беглый сенатор оказался на краю своей Ойкумены – впереди простирались джунгли Гватемалы, сзади, как предполагал кабальеро – погоня. Оперативными навыками для того чтобы прятаться, или переходить границу сенатор не обладал. Надёжных связей, да и просто знакомых тут у него не было. Даже наличных денег было немного, а с кредитные карточки в этой глуши были абсолютно бесполезны. По-этому, не очень долго думая, кабальеро с ближайшего телефона (который кстати тоже пришлось поискать) позвонил обратно в Мехико-сити, в российское посольство, и сообщил о провале.

То-ли ОборонЭкспорт готовил очередную продажу техники Мексике или её южным соседям, то-ли Газпром прицеливался в какое-то мексиканское месторождение, то-ли сенатору были даны какие-нибудь нерушимые обещания, но так или иначе, с самого верха пришла команда: «Шпионского скандала избежать любой ценой, а недотёпу этого – вытаскивать». И Валентин Борисович Аверин, вернее – тогда ещё Валёк Аверин, майор на подполковничьей должности, начал работать операцию по эксфильтрации, сиречь вывозу означенного недотёпы в безопасное место. Конечно, во время этой операции он из Москвы не выезжал – если собы-

тия происходит в нескольких странах, руководить удобнее из центра. Да и времени на переезды не было.

Через четыре часа после звонка в посольство маленький частный самолёт, вылетевший из Мехико-сити, приземлился на грунтовой полосе аэродрома в городе Чьяпа-де-Корсо, значительно опередив местные спецурсы, особой зубастостью, в общем-то, никогда не отличавшиеся. Приняв на борт кабальеро и дозаправившись, самолёт сделал очередной прыжок, приземлившись в столице Гватемалы. Там на бетон взлётно-посадочной полосы шагнул уже не беглый мексиканец, а счастливый обладатель испанского паспорта, с абсолютно другими именем и фамилией. Новоиспечённый испанец совершенно легально вылетел в городок Фьюмичино возле Рима, где, естественно, не встретил никаких проблем с паспортным контролем, как не встречает их любой гражданин страны – члена Евросоюза. На выходе из международного аэропорта имени Леонардо да Винчи бывший мексиканец расстался с провожатым, летевшим с ним из Гватемалы, и сел в указанную машину с водителем и одним пассажиром. Через четыре дня и полдюжины стран, уже другой испанский паспорт (на этот раз – с совершенно настоящей российской визой) был предъявлен польскому таможеннику в городе Безпеды, а потом российскому в Багратионовске – на границе Калининградской области.

В общем, шпионского скандала избежать удалось, а вот наркобаронского – нет. Дело в том, что супруга кабальеро

и мать его троих детей стала объектом пристального внимания газетчиков и телевизионщиков как только стало ясно что сенатор сбежал и пропал без вести, очевидно, окопавшись под крылышком какого-нибудь уютного наркокартеля. Благодарная донья, креолка (из тех что мустанга на скаку остановит, и в горящее бунгало войдёт) гордо отвергала любые обвинения мужа в причастности к наркобизнесу и не уставала повторять что скоро её муж найдётся и всё разъяснится, чем безусловно снискала симпатии сентиментальных латиносов. Впрочем, политическая жизнь тут гораздо на скандалы, и скоро про донью забыли. Донья же, распродав семейные ранчо и виллы, покинула Мехико-сити, убыв в неизвестном направлении. Теперь бывший мексиканский сенатор с присоединившейся к нему супругой живут в скромном по здешним меркам доме на Рублёвке, а их детишки, Мигель-Миша, Хорхе-Гоша и Хуанита-Анюта говорят по-русски практически без акцента.

Вообще-то, бывшему сенатору предлагали устроить его жизнь на Кубе или в Венесуэле. Язык там как как и в Мексике – испанский, и культура практически от мексиканской неотличимая, но кабальеро решил, что эти страны слишком маленькие, и расположены слишком близко к большим Соединённым Штатам, чтобы можно было быть уверенным что до самого конца кабальеровской жизни там всё останется как есть, и не случится смены режима с последующими вопросами «А ну, кто это у нас тут работал на российскую развед-

ку?!» Видно сильно тогда напугался кабальеро.

Короче говоря, в отношении работы Валентину Борисовичу можно было только позавидовать. Если б было кому завидовать – очень немногие знали чем действительно занимается подполковник Аверин. Шеф, Сергей Петрович, конечно же знал. Войдя в приёмную, Валентин Борисович поздоровался с секретарём, и вопросительно кивнул на дверь кабинета Шефа.

– У себя. Ждёт. – ответил секретарь на немой вопрос. Потом посмотрел на визитёра, и, наверное подумав что переборщил с фамильярностью, добавил: – Заходите пожалуйста, Валентин Борисович.

Аверин обозначил стук в обитую кожей дверь, потянул ручку, шагнул внутрь, и становился – Сергей Петрович говорил по телефону. Однако Шеф сделал рукой приглашающий жест, но на стул не указал.

– ...Да. Да. Безусловно... – Сергей Петрович не отнимая трубки от уха нажал кнопку отключения микрофона, и быстро проговорил, обращаясь уже к подошедшему ближе Аверину: – Валя, проект «Ладья», доступ уже открыт, изучай, потом поговорим подробно.

Валентин Борисович вернулся в свой кабинет, привычно убедился что на экране – внутренняя, защищённая сеть «Ясенево», опять ввёл пароль и открыл программу хранилища электронных документов. Папка «Ладья» нашлась быстро, это был единственный проект на букву «Л» к которому

подполковнику в этот момент был открыт доступ, соответственно других папок он просто не видел. Прежде чем показать список документов проекта, Система Разграничения Доступа попросила ввести пароль ещё раз – что поделаешь, чем больше безопасности, тем больше вот таких маленьких неудобств. Само-собой, Валентин Борисович начал с документа «Введение».

Проект «Ладья» был начат ещё в 1989ом году, в связи с сообщениями о выводе в консервацию последних самолётов модели Локхид SR-71, он же Blackbird, он же «Чёрный дрозд». Секундочку, секундочку... Валентин Борисович не считал себя специалистом в авиации, хотя про этот самый быстрый и самый высотный стратегический разведчик конечно слышал. Решив подойти к делу обстоятельно, Аверин перешёл по ссылке и сначала углубил знания про Чёрного Дрозда.

Итак, «Локхид SR-71 (неофициальное название – «Чёрный дрозд», англ. Blackbird) – сверхзвуковой самолёт, стратегический разведчик ВВС США. Самый быстрый и самый высотный, в горизонтальном полёте, самолёт в мире. SR-71 участвовал в разведке Вьетнама и Северной Кореи в 1968 году. Во время холодной войны фотографировал расположения советских войск на Кольском полуострове и Кубе. В 1973 году во время арабо-израильской войны Судного дня Blackbird проводил фоторазведку Египта, Иордании и Сирии. Неоднократно нарушал воздушное пространство

СССР. Кроме стратегической разведки, этот самолёт выполнял аэродинамические исследования NASA по программам AST (Advanced Supersonic Technology – перспективные гиперзвуковые технологии) и SCAR (Supersonic Cruise Aircraft Research – разработка самолёта с гиперзвуковой скоростью полёта). SR-71 способен развивать скорость, в 3 раза превосходящую скорость звука, при этом из-за трения о воздух его титановая обшивка нагревается до температуры 300 градусов Цельсия. Такие температурные перепады потребовали применения необычных конструктивных решений. Для охлаждения обшивки используется циркуляция топлива...»

Стоп. Про циркуляцию топлива – это уже наверно перебор. В общем и целом – понятно что за зверь. Вернее – что за птица. Решительно отринув технологические подробности, Аверин вернулся к оперативному аспекту проекта «Ладья». Начался проект, когда аналитики обратили внимание на то, что разведчик SR-71 был снят с вооружения, но новый, лучший разведчик на вооружение не поступил.

«А аналитики-то небось были ГРУшные» – мельком подумал Валентин Борисович. – «Разведывательной самолёт хоть и был стратегический, однако всё же больше был интересен военным – Главному Разведывательному Управлению Генштаба, чем политической разведке – СВР. Вернее, тогда, ещё в 1989ом мы ещё назывались Первым Главным Управлением КГБ СССР. Да и материалы явно "причёмсанны" – выглядят так как будто документ готовился к передаче в другое

ведомство.»

Так или иначе, эти самые неизвестно-чьи проникательные аналитики заметили-таки странность в том что янки остались без воздушной разведки, списав замечательный, уникальный, всё ещё работоспособный самолёт, и ничего не получивши взамен. Правда, сами американцы утверждали, что отсутствие воздушной разведки они легко скомпенсируют разведкой космической. Однако знающий человек понимает, что спутники могут заменить самолёты не всегда и не везде.

Спутник летит очень высоко, самые высокие самолётные «потолки» примерно в три раза ниже самых низких спутниковых. Соответственно, спутник высоко сидит и далеко глядит, но видит со своих буквально заоблачных высот не то чтобы очень хорошо. Это правда что со спутника теоретически можно прочесть номер машины, но и видеть тогда будешь примерно площадь, равную площади номера машины. Сейчас задачи высококачественного фотографирования из космоса решаются сканированием, когда спутник делает очень много высококачественных, но маленьких снимков, потом они передаются на землю, и компьютер «склеивает» их по краям, получая одновременно и большую, и высококачественную картинку. А вот во времена, когда было принято решение об отправке Чёрного Дрозда «на заслуженную пенсию», ни хранить на борту космического аппарата такие объёмы информации, ни уж тем более передавать их из кос-

моса на землю за разумное время ещё не умели.

А ещё спутники – предсказуемы, потому что летают они по орбитам, координаты которых с некоторых пор доступны не только супердержавам – счастливым обладателям Систем Контроля Космического Пространства, так называемых СККП, но и любому человеку, вооружённому Интернетом. Типа вот тебе, любезный, список околоземных объектов, заявленных космическими агентствами, а вот – объектов, обнаруженных астрономами-любителями. Вычти первые из вторых, и поймёшь, каких объектов надо опасаться особо – раз не заявили их космические агентства, а запустили, что называется, «тихой сапой», то наверняка есть в этих объектах что-то такое, о чём публике лучше и не знать. Впрочем, и официально заявленный метеорологический спутник может легко оказаться не только метеорологическим. А если очень любознательный, то вот тебе ещё и программки чтобы быстренько посчитать когда какой объект будет находиться в какой точке. Хочешь чем-то секретным заниматься, например – новую технику испытывать – так делай это когда нет над головой чужого спутника. А когда он есть – прячь технику в ангар, или просто накрывай брезентом. Изменить траекторию спутник в состоянии, хотя и не сильно, но операция эта чрезвычайно дорогая, так что часто производиться не может. Когда спутник маневрирует – он тратит топливо. Запас горючего на борту спутника ограничен, а заправок в космосе нет. Подвинется спутник на пару градусов широты или дол-

готы раз, подвинется два, а после нескольких таких маневров застынет в космосе неподвижным булыжником.

Разведывательный самолёт конечно тоже не без недостатков – ему для ведения разведки приходится вторгаться в чужое воздушное пространство. В чужом небе его могут заметить, и соответственно отреагировать. Могут отреагировать дипломатической нотой на следующий день, а могут – и ракетой, причём немедленно. Впрочем, средства чтобы обнаруживать скоростные высотные, или наоборот низколетящие цели в 1989ом году были только у Советского Союза, а он хоть и занимал одну шестую часть суши – а всё же не весь мир. Были уже у нас и комплексы ПВО С-300, и перехватчики МиГ-25 и МиГ-31, способные на несколько минут достичь высоты и скорости SR-71 чтобы осуществить перехват. Однако, опять же – были они только у нас, а вся остальная планета была открыта для Чёрного Дрозда. А американцы Чёрного Дрозда выкидывают, списывают вчистую, отправляют на свалку истории. Не утилизируют конечно, не пускают под гильотину, и в титановый металлолом не сдают, а отправляют в консервацию, но всё равно с вооружения снимают, и использовать не собираются. Странно? – Конечно странно!

В общем, аналитики безусловно были людьми знающими, и к странностям относящимися с соответствующей должности подозрительностью. Проконсультировавшись по деталям с другими очень сильно знающими людьми – эксперта-

ми от авиации, космоса и прочей оборонки, аналитики доложили результаты руководству разведки. Руководство старания аналитиков оценило, и с лёгкой руки тогдашнего главы ПГУ КГБ товарища Шебаршина, советская разведка занялась поиском и идентификацией преемника Чёрного Дрозда – какого-то чрезвычайно секретного воздушного судна, очень быстрого и очень высотного – летательного аппарата, который SR-71 уже заменил, или вот-вот заменит.

Валентин Борисович никак не ожидал увидеть в досье «Ладьи» изобилие материалов из последнего десятилетия прошлого века. В смутные девяностые больших успехов не ожидалось – не до того было. Всю страну лихорадило, а разведка – она же не в вакууме живёт, соответственно и пострадала не меньше остальных. Много технических средств разведки осталось в бывших советских республиках, ещё больше – у бывших союзников по Варшавскому Договору – теперешних заклятых партнёров по НАТО. США перестали быть «ГП» – Главным Противником. Резидентуры свернулись до совершенно непотребных беззубых размерчиков. Оперативная работа практически остановилась, а кое-где и повернула вспять, потому что в стремлении дружить с самой-самой страной, наши спецслужбы дарили США такую информацию, которой обычно и с самыми близкими союзниками делиться неприято. Хорошо что проект «Ладья» в девяностые вообще не закрыли. Однако Аверин к своему удивлению обнаружил, что в отчёте первый «большой прорыв» датирован

страшным девяносто первым годом.

Действительно большое изделие, которое не унесёшь в кармане и не увезёшь в закрытом грузовике, невозможно целиком скрыть от любопытных глаз. Глаза эти необязательно будут принадлежать вражеским шпионам – скорей всего это будут случайные свидетели, однако, как говорил папаша Мюллер: «То, что знают двое – знает и свинья». Случайные свидетели расскажут об интересном и непонятном наблюдении своим знакомым, те – своим, и до шпионов эти разговоры рано или поздно докатятся. А шпионы по-определению интересуются всем необычным и непонятным. По-этому всему потенциально непонятному заранее придумывается разумное объяснение.

В 1916ом году, под закат Первой Мировой войны англичане придумали как вывести боевые действия из бессмысленного позиционного противостояния. Появилась совершенно новая боевая машина, передвигающаяся по полю боя на гусеницах. Экипаж был прикрыт бронёй и вооружён пулемётами и пушками. Конечно, скрытно доставить к фронту полсотни таких монстров, да ещё и в густонаселённой Европе было совершенно невозможно. По-этому англичане заранее придумали легенду прикрытия. По легенде это были не боевые машины, а баки для воды, предназначенные войскам на Ближнем Востоке, где будто-бы планировалась активизация боевых действий. Именно эта версия и была громозвучно засекречена. Немецкая разведка доблестно доложила на-

верх о ближневосточных намерениях англичан, а танки, наслаждаясь достигнутой внезапностью, благополучно прорвали немецкую оборону на реке Сомме, во Франции. Именно «танки», от английского «tank» – бак. Справедливости ради надо заметить, что англоговорящие официально называют эту машину Battletank, «Бэтл Тэнк», дословно «Бак битвы» или «Боевой бак».

С Первой Мировой спецслужбы не стали глупее, тем более что в современном, насквозь компьютеризированном и падком на сенсации обществе использовать дезинформацию для создания легенды прикрытия стало только проще. Достаточно «слить» какому-нибудь добровольному охотнику за НЛО слух из «информированных источников», как через пару дней весь Интернет в курсе того, что видимые всем странные огни в ночном небе – это правительственные вертолёты ловят лазерными сетями марсианских приведений. Официальные опровержения только подливают масла в огонь. Зато уже через какой-нибудь месяц уже и сами поборники свободы информации перестают обращать внимания на эти самые огни. Бывают и многослойные легенды прикрытия. Так, в Розуэлле в 1947 году случилось «нечто». Руководство США официально утверждает, что там приземлился обычный метеорологический воздушный шар. Любители «Теории Заговора» уверены, что воздушный шар – это деза, с помощью которой правительство прячет факт падения корабля пришельцев. Но «летающая тарелочка» с зелёными человечка-

ми – это тоже ширма...

«Стоп-стоп-стоп» – прервал Аверин воспоминания о занятной штуковине, которую он «зацепил краем» во время одной из своих прошлых эскапад, и вернулся к «Ладье».

Итак, в 1990ом году Нью-Йоркский журнал «Авиационные и космические технологии» опубликовал статью, объясняющую появление в ночном небе Невады и Калифорнии огней, наблюдаемых местными жителями уже несколько лет. Огни эти обычно двигались прямолинейно и почти горизонтально, но слишком быстро даже для сверхзвукового истребителя, спешащего куда-то в форсажном режиме. Вышеупомянутый журнал был изданием солидным, практически научным, и уж конечно не стал выдвигать версию об НЛО. Журнал утверждал, что огни эти – следствие испытания гиперзвукового самолёта «Аврора» – следующей версии Чёрного Дрозда, то-есть того самого изделия, раде выявления которого проект «Ладья» и создавался.

Надо заметить, что благодаря царившей тогда повсеместной неразберихе, аналитики нашей разведки эту статью прозевали. Обратил же на неё внимание один из секретарей тогда ещё советского консульства в Нью-Йорке, которому по долгу службы приходилось периодически общаться с журналистами в неформальной обстановке. Журналиста – автора статьи, за кружечкой пива похвастался нашему дипломату недавней публикацией, а тот заинтересовался. Короткое дополнительное расследование было проведено на месте – в

том же баре Верхнего Манхеттена где и началась беседа. Пиво уступило место Главному Напитку вечера шотландскому виски, однако сохранило свою роль в качестве напитка дополнительного. После разговоров о жизни, о работе, о статье, и ненавязчивых расспросах об источниках информации для упомянутой статьи, интерес дипломата ничуть не уменьшился. На следующее утро состоялся доклад начальству. Конечно же не формальному начальству – послу, а реальному – резиденту разведки, сотруднику Первого Главного Управления КГБ.

Оперативная разработка продолжалась почти три года, за это время советское консульство давно стало российским, а ПГУ КГБ СССР превратилось в СВР РФ. Цель проекта «Ладья» тоже изменилась изрядно. Искали быстрый высотный разведывательный гиперзвуковой аппарат. А нашли очень-очень быстрый и очень-очень высотный. Но не гиперзвуковой, а аэрокосмический. И не разведывательный, а разведывательно-ударный.

Все летающие объекты тяжелее воздуха, то-есть всё, кроме воздушных шаров и всяких там дирижаблей, можно условно разделить на две категории – объекты аэродинамические и объекты баллистические. Аэродинамические аппараты – это самолёты и вертолёт, они опираются на воздух, используют подъёмную силу, создаваемую аэродинамическими поверхностями – крыльями или лопастями винтов. Простейший пример баллистического объекта – снаряд, вы-

летевший из пушки под действием давления пороховых газов, или ускоренный на коротком участке реактивным двигателем. Двигается такой снаряд по параболе, иначе именуемой «баллистическая кривая» – отсюда и название. Космический аппарат, например спутник Земли – это тоже баллистический объект, только парабола у него достаточно длинная чтобы замкнуться в кольцо или эллипс – в орбиту.

Попытки «скрестить» самолёт с космическим аппаратом предпринимались давно. И у СССР и у США были проекты перехватчиков спутников, ракет, поднимаемых в воздух бомбардировщиком просто чтобы до космоса было ближе лететь. И «Шаттл», и наш заброшенный «Буран» использовали спускаемые аппараты, садящиеся «по-самолётному», однако самолётная посадка – это просто уловка, позволяющая сохранить аппарат для повторного использования. Шаттл и Буран – отнюдь не самолёты, это – планеры, а вернее – болванки с крыльями, буквально падающие из космоса на специальные, очень длинные взлётно-посадочные полосы, и не имеющие возможности развернуться и сделать второй заход если что-то пойдёт не так как планировалось. Аврора же, судя по документам, изучаемым подполковником, не только могла взлететь как обычный самолёт, и по-самолётному приземлиться. Строго говоря, Аврора – это не космический корабль, это – самолёт, способный выходить в космос.

Тут Валентин Борисович решил сделать паузу и изучить

проблему аэрокосмического самолёта чуть подробнее. Авторы досе на «Ладью» очевидно погрузились в предмет настолько глубоко, что подсознательно предположили, что и у чтеца сего документа знаний будет достаточно, а не нет.

Аверин тронул кнопку «два» на пульте управления периферией, и монитор, клавиатура и мышка оказались подключёнными ко второму компьютеру. На экране появилась банальная Майкросовстовская картинка. В отличие от «секретного» компьютера номер один, не имевшего кстати не только DVD, но и слотов USB, чтобы никакую информацию нельзя было скопировать и вынести, компьютер номер два секретным не был, и вообще ничем не отличался от десятков, а теперь наверное уже сотен тысяч своих братьев-близнецов, раскиданных по всей Москве. Ничем, кроме, пожалуй, одной маленькой детали – компьютер был подключён к аппаратуре СОРМ-2, расположенной в машинной комнате одного из московских интернет-провайдеров. СОРМ-2, второе поколение СОРМ – Системы технических средств для обеспечения функций Оперативно-Розыскных Мероприятий, была сделана по модульному принципу, и один из модулей, функциональностью которого ФСБ любезно делилась с Внешней Разведкой, занимался маскировкой Интернет-соединений. Поинтересуйся потенциальный супостат направлением Интернет-трафика объекта «Ясенево», а соответственно – и текущими интересами российской разведки – результаты были бы нулевыми. Вот и сейчас, в статистике

научно-популярных вебсайтов, которые Валентину Борисовичу вздумалось посетить в поисках статей по аэрокосмическим проблемам, работа его «компьютера номер два» выглядела как заходы с совершенно другого, ничем не примечательного компьютера, расположенного причём где-то в центре гигантского мегаполиса, а не на юго-западной окраине Москвы.

Пройдясь по полудюжине научно-популярный сайтов, Аверин вышел из-за стола и отправился на перекур. Курилка находилась ровно в пяти шагах – у окна кабинета стояло кресло, а на подоконнике – пепельница. За столом Валентин Борисович курил только в случае жесточайшего цейтнота. Если же время было, предпочитал отойти от стола, чтобы не шарить глазами по экрану и рабочим бумагам – такая пауза позволяла взглянуть на проблему как-бы со стороны. Сейчас как-таковой требующей решения проблемы ещё не было, но надо было чтобы новая информация «отстоялась», улеглась в голове в законченные логические цепочки.

Опустился в кресло, чиркнул зажигалкой, затянулся, посмотрел в окно вверх низкого подоконника. Если честно – так себе картинка. Парковка, покрытая серым асфальтом, над ней серое небо. Если отринуть календарь и опираться только на визуальные ощущения – типичная поздняя осень получается. За парковкой – стена голых деревья, причём, что характерно – деревья тоже совершенно серые. Видно, как ветви ближайших деревьев подрагивают под порывами вет-

ра. Б-р-р-р! Конечно же никаких случайных прохожих – у Ясенево достаточно большая охраняемая территория чтобы случайные и неслучайные любопытные Варвары не шастали под окнами объекта и не прицеливались в эти окна всякой длинноухой и востроглазой аппаратурой. Из всей динамики – стояя ворон у горизонта, да одиноко уползающая с парковки машина, хорошо хоть она весёленького синего цвета, а то прямо жуть берёт от промозгло-слякотной монохромности мира. Аверин ещё раз оценил картинку, и решил ещё с неделю (пока весна не проклюнется) в окно не смотреть, а то от одного вида делается зябко и неудобно. Не вставая с кресла взялся за подлокотники, толкнулся ногой и рывком отвернул его градусов на пятнадцать, поморщившись на скрежет ножек по паркетному полу. Вот так-то лучше, законный пейзаж в поле зрения не лезет, отчего и думается гораздо комфортнее.

Итак, как говорится, «что мы имеем с гуся?» По результатам изучения научно-популярной литературы получалось, что сделать самолёт, который сможет выходить в космос если потребуется, и успешно из космоса возвращаться, совсем и не сложно. Всё упиралось в энерговооружённость. Если есть достаточно мощный двигатель, способный работать как в атмосфере так и в безвоздушном пространстве ближнего космоса, то с таким движком и старичок МиГ-15 легко с задачей справится. Наберет первую космическую скорость – да и вскочит на орбиту. Потом развернётся хвостом к движе-

нию, двигателем себя притормозит, скорость погасит, и начнёт падать в атмосферу, до тех пор пока воздух не станет достаточно плотным, чтобы летать по-самолётному. Впрочем, нет, МиГ-15 конечно же не справится – перегреется и сгорит ещё при разгоне, вон – у того же Чёрного Дрозда даже была какая-то хитрая охлаждающая система, так что какое-нибудь жаропрочное покрытие всё же понадобится. Но, это – мелочи, как говорится – технические детали. Короче, выходит что сделать аэрокосмический самолёт при наличии правильного двигателя – плёвое дело. Единственная проблема – ни у кого двигателя такого нет. Вернее – похоже «не было». Ни у кого, кроме американцев.

Валентин Борисович раздавил окуроч в пепельнице и вернулся к столу. Снова переключился на первый, «секретный» компьютер, и продолжил чтение. Материала в досье Ладьи оставалось совсем немного. Лет пять назад количество сообщений случайных свидетелей ночных огней над американским западом почти сошло на нет. Примерно в то же время появились доклады от военных, четыре раза наблюдавших цели, летевшие по траекториям, примерно соответствующим траекториям баллистических ракет, однако обладавших размерами среднего самолёта. Скорости целей тоже скоростям баллистической ракеты соответствовали – получалось, что термopокpытие у Авроры, верней – у Ладьи всё же было. Рядом ссылка на данные телеметрии наблюдения космического объекта. Телеметрия эта неспециалисту абсолют-

но ничего не говорила – группы цифр и графики. Что ж, как говорил Козьма Прутков, специалист подобен флюсу – полнота его односторонняя. Если надо будет – то со специалистами проконсультируемся.

Немного удивлял вывод неизвестного автора этой части документа – предлагалось считать, что Ладья находится в активной фазе космических испытаний, а возможно уже их успешно прошла и целиком готова к использованию. Предположительным местом разработки и оперативной базой Ладьи называлась пресловутая «Зона 51». Эта информация, напротив, для Аверина сюрпризом не стала – большинство секретных летательных аппаратов разрабатывалось и разрабатывается именно на этой базе в Неваде. И причина отнюдь не в том, что американцы якобы прячут там корабль инопланетян, который и разбирают по винтику в поисках дармовых инопланетных технологий. Просто Зона 51 расположена на высохшем соляном озере Грум – практически идеально ровная и очень твёрдая поверхность от горизонта до горизонта.

Большинство неприятностей с самолётами происходит как раз во время взлёта или посадки, и длина взлётно-посадочной полосы частенько играет огромную роль в том, чем закончатся испытания. А тут – готовая бесплатная полоса огромной длины. А плюс к этому охранение такого объекта от любопытствующих глазок наладить достаточно легко – пришлому субъекту просто некуда спрятаться на блестящей под пустынным солнцем застывшей соляной луже. Полёты

гражданских воздушных судов над Зоной 51 запрещены, и следят за этим строго. Случалось, что и сбивали всяких незадачливых мизераблей на Цесснах и Бичкрафтах. Да и на земле у всех дорог щиты «Закрытая зона! Применение оружия санкционировано!» – не забалуешься. Валентин Борисович не слышал ни об одной «внешней» разведывательной операции против Зоны 51. Что, впрочем, совсем не означает что таких операций никогда не проводилось – если ты служишь в разведке, это не значит что можно пойти в какую-нибудь хитрую библиотеку и сказать «А дайте мне отчёт о том как мы украли двигатель от истребителя F-117» – каждый знает только то что ему нужно по службе. А по службе Аверин с Зоной 51 никогда раньше не сталкивался. А вот теперь похоже придётся...

Валентин Борисович ещё раз бегло просмотрел материал. Станным было полное отсутствие ссылок на фотографии или чертежи. Единственный рисунок был явно выполнен от руки, и, судя по светло-серым едва видимым узорам, отсканированный оригинал был бумажной салфеткой или чем-то вроде того. Если пятикласника – любителя фильма «Звёздные войны» попросить изобразить космолёт, то наверное что-то похожее и получится. Обтекаемый, устремлённый вперёд чуть горбатый корпус. Острый истребительский нос, двухкилевое оперение. Маленькие дельтовидные крылышки, над крыльями и под корпусом – наплывы, то-ли двигатели, то-ли ещё что-то. Странная, четырёхстоечная

система шасси, как у стола на колёсиках. Источник рисунка указан не был. Не было и комментария специалистов – очевидно, всерьёз этот эскиз аналитики не приняли. То-ли какой-то прикормленный уборщик глянул через плечо инженера-проектировщика, то-ли подпивший рабочий Зоны 51 разоткровенничался в баре – вобщем, настоящая агентурная разведка до Ладьи-Авроры очевидно ещё не дотянулась.

Оставалась последняя ссылка – на регулярно обновляемые космические фотографии Зоны 51. Немногое, чем эти фотографии отличались от кадров, доступных в Интернете – так это тем, что доподлинно известно когда фотография была сделана. Ну и конечно, можно быть уверенным что на снимке ничего не заретушировано. Ладью, изготовившуюся к взлёту на одной из полос там конечно не увидишь – американцы так же точно знают когда наши спутники фоторазведки появляются над их объектами, как мы знаем графики пролёта американских. Для порядка Аверин всё же открыл и эту ссылку. Последняя фотография была сделана 11 часов назад. Относительно свежих комментариев аналитиков фоторазведки тоже не было – ничто в зоне фотографирования от предыдущих кадров серьёзно не отличалось – не строилось, не разрушалось и не перемещалось. Дата последнего ретуширование общедоступных источников – почти три года назад. Объект ретуширования – небольшое строение в юго-западном углу базы. Комментариев о предполагаемом предназначении здания нет, однако к Ладье оно вряд ли имел пря-

мое отношение – маловато строение для авиационного ангара, да и рулѐжных дорожек от влѐтно-посадочных полос к нему не проложено, только обычная дорога для подъезда автомобилей.

«А всё ж молодцы ребята» – хмыкнул про себя Аверин.

Несколько лет назад двое головастых программистов – курсантов из Можайки, Военно-космического университета в Питере сделали интересный дипломный проект. Их программа просто накапливала космические фотографии из открытых источников, сравнивала их, и искала отличия. Программой заинтересовалось ГРУ, в чей Научно-исследовательский институт ребята и распределились. А распределившись, получили доступ к огромным вычислительным мощностям суперкомпьютеров, и некоторым секретным алгоритмам обработки изображений. В результате, после небольших усовершенствований программа смогла «присматривать» за всей территорией, доступной западным коммерческим спутникам – практически за всей земной поверхностью.

А идея принципа действия этой программы (как и всё гениальное) была уж и вовсе простой. Программа искала «мелькнувшие» объекты на коммерческих, несекретных снимках, доступных в Интернете. Например, в прошлом году на этом месте не было, потом началось строительство. А теперь опять ничего нет, всё выглядит точно так же как год назад. Что это значит?

А значит это, что скорей всего то, что супостат выстроил

там нечто, к чему внимание посторонней публики привлекать не хочет. Выстроил, а потом настойчиво и убедительно попросил хозяина сервиса спутниковых фото изображение этого объекта из публичного доступа убрать, отретушировать, верней – просто заменить фотку на старую. Им бы ещё до строительства об этом договориться, однако так обычно не получается – бюрократические заморочки, секретность опять же, да и не надо на этапе строительства любопытство к объекту притягивать – вдруг среди сотрудников этого сервиса агент чужой разведки? Вот и находит наша программа такие объекты-попрыгушки, а когда находит – оповещает дежурного оператора. Оператор же, лично посмотрев на спутниковые снимки решает, стационарный это объект, или, например, самолёт, или воздушный шар, или корабль у пирса случайно в кадр попавшие. В большинстве случаев конечно отличия фоток – это помехи, типа тени небоскрёба, или колонны комбайнов в поле. Однако если оператор видит здание, трубопровод, или дорогу, которые появились а потом спрятались, это означает что было произведено ретуширование, и наш спутник должен взглянуть на это место повнимательнее. А если ситуация располагает, то лучше бы направить туда и агента с биноклем и камерой. Глядишь, и высветится что-то любопытное и разведке интересное раз уж они это прячут. Вот и появились с некоторых пор у спутниковых фотографий, которыми ГРУ снабжает СВР, пометки «Ретуширование произведено тогда-то», говорящие о том, что об-

щедоступные фотографии этого района были изменены, чтобы спрятать помеченные объекты, которые, конечно, на картинках с наших спутников прекрасно видны.

Конечно то, что у разведки есть такая программа – информация далеко не для всех, и Валентин Борисович знал об этом исключительно по службе – просветили по необходимости во время одной из прошлых операций. К текущей же операции ... хотя, кто знает, операции пока никакой и не было, операция будет после встречи с шефом.

05. Шеф

– Разрешите... хмм... Можно? – спросил Аверин, приоткрыв дверь в кабинет шефа.

Много лет назад первокурсник младший сержант Аверин, успевший до поступления в Высшую Школу КГБ отслужить год срочной в погранвойсках, а теперь, соответственно легенде прикрытия, одетый в форму курсанта-связиста, прибыл на практическое занятие по некоей спецдисциплине. Занятие вёл незнакомый капитан неприметного вида, который, как гораздо позже выяснилось, был срочно эвакуированный в Союз из одной западноевропейской резидентуры после того как очередная курва перебежала к супостату, польстившись то-ли идеалами демократии, то-ли дачей во Флориде. В ответ на бравое Аверинское «Разрешите, товарищ капитан?» преподаватель заметил, что от армейских выражений пора отвыкать, потому что в некоторых ситуациях сотруднику разведки сказать «Разрешите?» вместо расслабленного

гражданского «Можно?» – это примерно как пройтись строевым шагом по Пенсильвания-авеню перед Белым Домом. Да и звания в обращении использовать – и вовсе лишнее. Не «товарищ капитан», а «Сергей Петрович». Аверин же, вместо того чтобы принять к сведению и намотать на ус, ответил что преподаватель безусловно прав, но в данной конкретной ситуации и курсант и преподаватель в форме. Значит, именно употребление гражданского «Можно?» как раз и является фактором, теоретически способным насторожить любопытные ушки. Эпизод закончился ничем, а капитан вскоре и вовсе исчез из Высшей Школы, очевидно умудрившись вернуться из вынужденной преподавательской ссылки на оперативную работу.

Однако через пять лет молодой, стремительно делавший карьеру бывший капитан (а теперь уже целый подполковник – в Комитете звание нешуточное) случайно встретил в коридоре управления кадров давешнего курсанта-спорщика. Теперь уже конечно это был не курсант, а лейтенант – бежит времечко-то.

Лейтенант КГБ Валентин Аверин в то время только что вернулся «из-за речки» – из короткой, но кровавой афганской командировки. Уже успел отгулять отпуск, обмыть с друзьями новенький серебряный кругляшок медали «За отвагу», и ожидал назначения к новому месту службы. А подполковник, напротив, назначение уже получил. Сергей Петрович только что возглавил новенькое, только что появив-

шеся в структуре Органов подразделение. А теперь занимался его формированием, подбирая себе людей. Подобрал и лейтенанта, запомнившегося ему когда-то нестандартностью мышления – предложил лейтенанту Аверину должность «под крылом». Лейтенант конечно же долго не думал – о таком везении в начале карьеры можно только мечтать. Будущий начальник был явно «в фаворе» – ведь и в армии не каждому удаётся за пять лет из капитана дорости до подполковника, а в Органах для такого скачка и подавно надо что-то экстраординарное совершить. И звал Сергей Петрович не куданибудь, а в структуру Первого Главного Управления КГБ, ведавшего внешней разведкой.

С тех пор Аверин, что называется «попал в обойму», и ни разу об этом не пожалел. А неформальные вариации на тему «Можно-Разрешите» или «Разрешите-Можно» стали своего рода паролем, символом принадлежности к одной команде.

– Заходи, заходи, Валя, – Сергей Петрович указал на одно из двух кресел рядом с низким столиком у окна, спрятавшихся за старомодным фикусом, поднялся из-за длинного, предназначенного для совещаний стола и направился туда же. – Присаживайся. Закуривай.

«Закуривай», и место за журнально-кофейным столиком «для своих» однозначно предполагало что разговор будет длинный. Сам Сергей Петрович не курил, и дыма, похоже, не любил, однако предпочитал не выгонять посетителей из кабинета на перекуры, экономя время и создавая пришед-

шим «зону комфорта», справедливо полагая что человек избавленный от мучений никотинового голода не отвлекается, работает лучше и думает быстрее.

– Ну что, впитал материал по Ладье? Вопросы появились?

– Два, Сергей Петрович.

– Давай. Извини старика, забыл – кофе хочешь? – не ожидая ответа Сергей Петрович ткнул пальцем кнопку включения на электрическом чайнике, подвинул к Аверину пепельницу, после чего принял умышленно-отчётливую позу внимательного слушателя.

– Вопрос первый, почему SR-71 «Чёрный Дрозд» был снят с вооружения в 89ом, а Ладья-Аврора появилась значительно позже?

– Вопрос чисто академический, но интересный. Валя, честно говоря – не знаю. Возможно, американцы действительно думали, что обойдутся одной спутниковой разведкой. Вот и запоздали с разработкой Ладьи, занялись ею серьёзно только когда поняли, что без авиационной разведки не обойтись. Они тоже люди, и тоже ошибаются. Как в своё время решили серьёзно сократить агентурную разведку в Передней Азии, и после Одиннадцатого Сентября нам пришлось их в Афганистан втаскивать. Помнишь?

Аверин коротко кивнул. Конечно он помнил, как после ударов самолётов в Башни-Близнецы Международного Торгового Центра в Нью-Йорке американцы задумали вторжение в Афганистан – как-бы Усаму ловить. Однако достаточ-

но быстро осознали, что в регионе (а тем более в самом Афганистане) у них ни агентуры ни союзников нет. Попросили помощи у сочувствующей России. А Россия, выведя войска из Афгана, по прежнему сохраняла там своё влияние опосредованно, подкармливая и вооружая Северный Альянс, воевавший с радикальными исламистами движения Талибан. Именно Аверин в своё время обеспечивал «американскую сторону» знакомства штатовских политиков и военных с полевыми командирами Северного альянса. А ведь предупреждала тогда разведка политиков российских... Однако точка зрения «американцы оттянут на себя радикальных исламистов от средне-азиатских республик» возоблала. Теперь звёздно-полосатые всеми четырьмя ногами зацепились за Афган, а базы американские уже и по нашей Средней Азии раскиданы.

– Второй вариант, – продолжил Сергей Петрович, пододвигая к Аверину сахарницу и банку с растворимым кофе – Возможно, мы просмотрели какой-то воздушный разведчик между Чёрным Дроздом и Ладьёй, ту самую «Аврору», однако я такой расклад почти целиком исключаю. Должен был такой самолёт засветиться хоть раз, будь он трижды «Стэлс», да и агентурная разведка ничего не заметила. Вообще ничего, хотя, в общем и специального задания на разработку Ладьи, в ходе которой такой самолёт мог быть выявлен, агентуре никто не давал. Забегая вперед скажу – до сего времени не давал. Однако если такой самолёт был, где-то краем

мы бы его зацепили. У ГРУ тоже никакой информации по подобному изделию нет. Я, Валюша, вообще последние двое суток провёл в разговорах с «Аквариумом», с дипломатами, с экспертами от оборонки, так что информация свежая.

После слов «...двое суток провёл...» Аверин зачерпнул вторую ложку кофейного порошка, и после подтверждающего кивка высыпал добавочную порцию кофеина в чашку Сергея Петровича. Впрочем, генерал не выглядел ни усталым ни недоспавшим.

– Спасибо, дорогой. – хозяин кабинета подождал пока Валентин Борисович закончит наливать кипяток в чашки. – Второй вопрос?

– Сергей Петрович, почему сделан вывод об оперативной готовности Лады, если было зафиксировано всего четыре выхода в космос?

– Поясняю. Будет длинно, если будет что-то что ты уже знаешь – останови меня.

Аверин зажжёт сигарету и кивнул, устраиваясь поудобнее. Если честно, останавливать Сергея Петровича он ни при каком раскладе не собирался, потому что рассказывать тот умел и любил, делал это виртуозно, и слушать было одно удовольствие.

Битый волк, ветеран ПГУ КГБ, генерал разведки, человек вхожий в самые высокие кабинеты, для непосвящённых выглядел невысоким толстячком в роговых очках, смотревшимся ровнёхонько на свои шестьдесят-с-хвостиком. Одна-

ко, например в столовой Ясенево Сергей Петрович всегда сидел в окружении стайки лейтенантш-переводчиц. Девчонки, которым генерал годился скорее в дедушки чем в отцы, откровенно млели, и томно смотрели на Сергея Петровича с нескрываемым обожанием, пока тот рассказывал о чём угодно, начиная от кота Шредингера и эффекта Вуда, и заканчивая различиями в рецептах пуэрториканской и венесуэльской энчалады. Аверин за свою уже достаточно долгую жизнь не встречал человека такой широченной эрудиции. Сам Сергей Петрович правда, смеясь, утверждал, что женщинам можно говорить всё что угодно, главное – делать это в темпе чуть большем, чем они успевают понимать, и тогда любая чушь кажется им перлами мудрости.

– Ну так вот, Валя, – начал генерал – мы предполагаем, что Ладья готова и может использоваться просто исходя из худшего сценария... и некоторых других соображений. А видели мы только четыре запуска вот почему: как ты наверное знаешь, мы наблюдаем космос с помощью Системы Контроля Космического Пространства, так называемой СККП. Система эта состоит из радаров, компьютеров, и оптико-электронных комплексов. Зачем радары – понятно. Компьютеры нужны чтобы траектории спутников считать. А опто-электронные комплексы это... Ну, грубо говоря, это просто красивое название телескопов, смотрящих не на звёзды и всякие там Марсы с Юпитерами, а на спутники на орбитах.

Система эта в первую очередь наблюдает именно спутни-

ки, то-есть, объекты на орбитах. Ладья же на орбиту никогда не выходила, Ладья, она ведёт себя скорее как баллистическая ракета, как недо-спутник если угодно, и в поле зрения СККП собственно и не попадала. Понятно излагаю?

Аверин опять кивнул. До сюда всё и правда более-менее просто. Есть у нас система обнаружения спутников, но Ладья – не спутник, вот эта система её и не видела никогда.

– Вот и славно – деловито сказал Шеф – Тогда продолжим. А попадала Ладья в поле зрения СПРН – Системы Предупреждения о Ракетном Нападении. Эта система, как известно, состоит из двух эшелонов – по-простому, из двух подсистем. Первый эшелон – это спутники, засекающие старт ракет с территории США, и с акваторий – в смысле с подводных лодок в океанах. Засечка стартов производится по характерному излучению факела разгоняющейся ракеты.

Второй эшелон СПРН – это наземные радиолокационные станции, которые видят ракеты на подлёте к территории России. И направлены эти радары так, чтобы смотреть на ракето-опасные направления, то-есть туда, откуда что-то может прилететь и по нашей территории ударить. Естественно, никто не будет пытаться на испытаниях запускать Ладью так, чтобы она над нашей территорией пролетела и оказалась в нашем воздушно-космическом пространстве, по-этому и в поле локаторов Системы Предупреждения о Ракетном Нападении она попала только четыре раза, да и то «в краешки». Тревога ни разу не объявлялась, потому что траектория

не была направлена в нашу сторону, да и цель не вела себя так, как обычно ведёт себя атакующая баллистическая ракета. Например, не отстреливала ложные цели для преодоления Противоракетной обороны, да и отделения первой ступени не было. Скажу больше, первые два раза цель эта вообще принималась за помеху, за неисправность оборудования, потому что больше всего это было похоже на ветряную мельницу в космосе. Уж слишком цель была большая, и слишком неправильная. Все четыре баллистических траектории начинались примерно из центральной части континентальных США. Примерные координаты стартов, если понадобится, есть. Заканчивались же траектории в разных, ничем не примечательных местах, конечно же всегда над нейтральными водами. Впрочем, нет, вру. Один раз место всё же было примечательным – траекторий закончилась в Тихом Океане, совсем рядом с Тайванем, и именно она, Валентин, самая неприятная.

Аверин понимающе кивнул, впрочем, довольно слабо представляя себе в чём неприятность именно такой траектории, и надеясь, что продолжение воспоследует. Однако Сергей Петрович не спешил. Круговыми движениями покачивал в руке кофейную чашку, словно стараясь размешать сахар получше, и поглядывал изучающе на Валентина Борисовича поверх очков. Делал вид что с мыслями собирается, а сам наверняка ждал что ученик проявит чудеса смекалки, и сам догадается, в чем же это такая особая неприятность прыжка

Ладьи к Тайваню.

И рад бы Аверин порадовать старика, но догадка не приходила. Уж извините, но кому-то – оперативная работа, а кому-то – космические технологии. С оперативной точки зрения появление Ладьи у Тайваня нам вроде бы ничем не грозила. Оставались стратегическая и техническая точки зрения. Шефу-то хорошо, он и сам говорит, что последние двое суток провёл за беседами с военными и людьми из оборонки, вот и видны генералу угрозы от Тайваньского прыжка как на ладони. А вот Валентину Борисовичу ничего не придумывалось. Оставалось сидеть с чрезвычайно внимательным видом, и делать вид что не замечаешь намёки шефа на то, что неплохо бы и самому догадаться и догадку озвучить.

– Как ты наверное знаешь, космические корабли проще запускать с запада на восток – по вращению Земли. Тогда скорость вращения прибавляется к скорости корабля. – наконец-то продолжил генерал. – Именно по-этому все стремятся располагать космодромы как можно южнее, ближе к экватору – там скорость вращения Земли больше всего, ни много ни мало – три скорости звука. Можно конечно стартовать и против вращения Земли, но тогда скорость планеты будет отниматься от скорости корабля, соответственно ракета должна быть мощнее. Так вот, с учётом траектории «Тайваньского прыжка» получается, что Ладья может летать в любую сторону, как по вращению, так и против, мощности у неё хватит. Это значит, что Ладья теоретически может вой-

ти в воздушное пространство России с любого направления. Что серьёзно усложняет задачу перехвата. Теперь понятно?

– Понятно. – сказал слегка пристыженный Аверин. – Можно вопрос по ходу? А может Ладья совершать два прыжка подряд? Ну например, прыгнуть к Москве, ударить, и прыгнуть обратно?

– Этого, Валя, мы не знаем. Понимаю почему ты спросил – интересуешься, каким образом Ладья вернулась в Штаты после прыжков? Мы не знаем как вернулась. Обратных прыжков не зафиксировано, то-ли потому что их не было, то-ли потому что траектории этих прыжков проходили за пределами наблюдаемых областей. Однако, даже если Ладья не может совершать более одного прыжка, то наверняка может после единственного прыжка действовать как самолёт, что уже само по себе весьма неприятно. Объяснять надо?

– Нет, Сергей Петрович, это тоже понятно. – ответил Аверин, позаботившись о том чтобы окурок в пепельнице не дымил. Конечно, чего уж понятнее, перепрыгнет эта дрянь противоздушную оборону как баллистическая ракета там, где противоракетной обороны нет (а её считай нигде нет кроме Москвы) да и начнёт действовать как бомбардировщик. – Ещё маленький вопросик. Мы считаем Ладью носителем ядерного оружия?

– А это, Валентин, и не важно. Судя по габаритам, ядерное оружие Ладья нести может, но не любим мы её как раз в безъядерном варианте. – Сергей Петрович посмотрел на

Аверина, и увидев удивленно вздетую бровь, продолжил: – В ядерной войне Ладья ничем не лучше обычной баллистической ракеты, а если и лучше, то не на много. Если уж начнётся обмен ядерными ударами «со всей дури» – уже неважно будет. А вот в обычном конфликте, пока до ядерного смертоубийства не дошло, Ладья очень опасна. Верней, конечно, не одна Ладья, а флот из пары десятков таких. Они смогут прорывать противозенитную оборону как баллистические ракеты, а потом уничтожать наши средства ядерного сдерживания обычным оружием, действуя как бомбардировщики, но уже за спиной нашего ПВО. Например, выскочила Ладья из космоса уже где-нибудь в Сибири, и начала жечь «Тополя» Красноярской Ракетной Армии. А там даже местной ПВО нет, потому что на такой расклад никто и не рассчитывал, по крайней мере до сих пор. В общем, Ладья и в обычном, безъядерном снаряжении – оружие стратегическое, потому что наше стратегическое оружие уничтожить сможет легко и непринуждённо, оставляя Россию беззащитной перед возможным ядерным ударом. Ещё вопросы по технической части?

– Нет вопросов, товарищ генерал – чётко ответил Аверин, понимая что приблизился самый что ни на есть военный момент – постановка задачи. Однако ставить задачу Сергей Петрович не спешил.

– Прежде чем продолжить, Валя, разреши объяснить тебе тонкости и ограничения этого... этого чрезвычайно де-

ликатного дела. Понимаю, тебя наверное интересует вопрос: «Ладья хоть и стратегическое оружие, но всё же оружие. Так почему этим занимаемся мы, а не ГРУ?»

У Валентина Борисовича если такой вопрос и был, то маячил где-то в подсознании, потому что задачи как-таковой всё ещё не было. Да и вообще, если честно, информации о техническом изделии, какое бы оно ни было стратегическое, для сотрудника политической разведки было уже многовато. Но шеф ответа и не ждал.

– Поясняю: и ГРУ тоже. И вообще буквально все. Указание пришло с самого верха. С самого-самого. – Сергей Петрович многозначительно посмотрел на Аверина. Тот изобразил внимание, свойственное указаниям «с самого-самого верха», впрочем подозревая, что на этом самом «самом вер-ху» решение было принято опять же не без участия Сергея Петровича.

– Дело в том, Валя, что технологии аналогичные Ладье у нас появятся нескоро. Свой аналогичный проект, если не ошибаюсь, «Аякс» мы заморозили в начале девяностых, да там и до прототипа дело не дошло, существовал этот проект исключительно на бумаге – в чертежах. А теперь... Говорил я с экспертами, с учёными из соответствующих НИИ, их оценка – десять лет. При хорошем, вернее, при идеальном раскладе – пять. Даже если мы нашей оборонке принесём прототип на блюдечке с голубой каёмочкой. Мы, конечно, над этим работаем, но, ещё раз, исходя из худших оценок

– десять лет. Из тех же худших, пессимистических оценок, у американцев Ладья целиком работоспособна. Вполне возможно, у них уже есть больше чем один аппарат. А если и один – у них есть технологии, значит в ближайшее время они смогут построить столько сколько нужно. Соответственно, выхода у нас два, первый – это вложить сумасшедшие деньги в противо-ракетную оборону, накрывающую всю страну, разориться, и слушать при этом упрёки в развязывании гонки вооружений. Второй выход – запретить Ладью. Да-да, именно запретить – привязать её к грядущему договору по ограничению стратегических вооружений. Знаешь ведь, в следующем году подписание очередного на высшем уровне?

Валентин Борисович кивнул – про подписание договора об ограничении Стратегических Наступательных Вооружений, какого-то там СНВ-с-номером он безусловно слышал.

– Ну так вот, – продолжил Сергей Петрович. – подготовка этого договора, встречи экспертов и дипломатов за закрытыми дверями естественно идут давно. И Ладью (вернее, аэрокосмические системы в целом) мы в этом договоре всю пытаемся учесть. Проблема в том, что американцы отказываются. Утверждают, что у них таких систем и близко нет, фантастика всё это, утопия, типа «Вы бы ещё ограничения на устройства для телепортации войск в договор впихнули». Ну что, Валя, понимаешь к чему я веду?

– Более-менее, Сергей Петрович – осторожно ответил Аверин. – Нужны доказательства существования аппарата?

– Верно! – генерал улыбнулся Аверинской догадливости – Именно так. Нужно добыть доказательства существования Ладьи. Хорошие, качественные доказательства, понятные неподготовленной публике, а не головастикам-экспертам. Чтобы не стоять как Колин Пауэл, и не потрясать пробирочкой с питьевой содой, убеждая ООНв необходимости удара по Ираку. Настоящие доказательства нужны, не вызывающие сомнений даже у какой-нибудь бельгийской домохозяйки. Бронебойные доказательства! А сроку на всё – три месяца!

Сергей Петрович слегка хлопнул ладонью по столу и откинулся в кресле, щурясь в улыбке за толстыми стёклами очков, и всем своим видом показывая что он как раз и есть царь, посылающий Федота-стрельца добыть То-Чего-На-Белом-Свете-Вообще-Не-Может-Быть.

Аверин знал своего генерала достаточно чтобы понимать, что тот держит паузу совершенно умышленно – самое правильное время чтобы жаловаться на судьбу.

– Какие доказательства, шеф? Разбить эту самую Ладью перед сотней западных журналистов? И почему три месяца? Если до переговоров по СНВ больше полугода...

На совершенно неуставную выходку Сергей Петрович совершенно не осерчал, скорее – воспринял как должное. Ребячества со стороны Аверина генерал скорее поощрял. «Вот повзрослеешь, Валя – я тебя мигом на пенсию отправлю» – говаривал он. Генерал считал что на должности Аверина ему

нужен не исполнительный служака, а живой и непоседливый авантюрист. Как шеф сам это называл: «сотрудник с персоналией багдадского вора».

– Ох, как непохоже это на Вас, товарищ подполковник. Что же это, изображаете плач Ярославны по поводу жёстких временных ограничений, а покапризничать по поводу труднодоступности места базирования объекта забыли? А, Валя? Или Зона 51 уже и не пугает? – спросил Сергей Петрович продолжая улыбаться. – Ну жалуйся тогда уже на всё сразу, чтобы я тебе мог ответить оптом.

– А я, товарищ генерал, жалобы собираюсь добавлять в порядке эскалации конфликта. – тоже улыбнулся Аверин. – Думал, может и одной хватит. А вообще, у меня всяких жалоб – и не сосчитать!

– Уж в этом-то я и не сомневался. – ответил товарищ генерал, и пригасил улыбку. – Ладно, Валентин, шутки в сторону. Первое – разбивать ничего нельзя. Вообще, нельзя допустить никакого шпионского скандала, это – как раз одно из тонкостей и ограничений. Никаких силовых акций, никаких агрессивных ходов, никаких громких арестов и шпионских скандалов. Лучше не получить никакого результата, чем и результат и скандал одновременно. Впрочем, сам понимаешь, и то и другое – неудовлетворительный результат. А при неудовлетворительном результате меня, Валя, слопают. Претендентов на моё место достаточно. Впрочем, и на твоё тоже.

Аверин, хоть и был защищён все эти годы от «подковёрной борьбы» широкой спиной шефа, прекрасно понимал, что в верхах разведки (как впрочем и любой другой большой организации) вовсю идут аппаратные игрища, и Сергей Петрович в них безусловно понимал толк. Так уж устроен наш мир, если ты – генерал, то скорей всего совсем не потому, что толкаешься локтями успешнее всех. Однако но без минимального умения толкаться локтями на верх не пробиться, а если и пробиться, то наверняка не удержаться наверху надолго. Лосёнок маленький – на всех не хватит. Всегда претендентов на генеральские кресла существенно больше чем самих кресел.

– Итак, Валентин, хочу ещё раз обратить внимание: если выбирать между результатом нулевым, и ненулевым результатом со скандалом, то будем выбирать нулевой, при нём по крайней мере страна не пострадает, и попытку можно будет повторить. Хотя скорее всего повторять попытку придётся другим, а не нам с тобой. Понятно?

– Понятно, Сергей Петрович.

– Вот и славно. Тогда давай поговорим про нужный нам «ненулевой» вариант... – продолжил Сергей Петрович, удовлетворившись ответом. – Для доказательства существования Ладьи минимальный набор – это качественная фотография, лучше несколько. Лучше – высокого разрешения, чтобы легче было доказать их подлинность, смело отринув обвинения в том, что мы с тобой Ладью тут за рюмкой чая на

компьютере в Фотошопе нарисовали. Теперь, почему именно три месяца и не секундой больше, хотя до переговоров с американцами больше полугода. Валя, через три месяца начинаются переговоры по обычным вооружениям в Европе.

Сергей Петрович сделал очередную эффектную паузу, убедился, что опять удивил Аверина, и только после этого с некоторой долей самодовольства продолжил объяснение.

– Именно так, Валя. Перед лицом всей европейской братии мы смело бросим на стол доказательства существования Ладьи, и потребуем учесть её боевые возможности в новом договоре. Повторяю: в договоре по обычным вооружениям в Европе. – генерал старательно проговорил «в Ев-ро-пе» по слогам. – Никто Ладью конечно в этом договоре не учтёт. Нам просто начнут вежливо объяснять, что в договоре по ограничению вооружений в Европе как бы странно учитывать оружие, которое находится совсем не в Европе, а в Америке. А когда не смотрим, будут с пониманием переглядываться и пальцем у виска крутить – типа «ох уж эти странные русские...» Ничего, побудем немного странненькими – от нас не отвалится кусочек. Мы чуток пободаемся, поспорим, пообижаемся, да и согласимся с доводами... хмм... партнёров. Переговоры наверняка в очередной раз закончатся ничем. А вот Ладьёй после этого точно заинтересуются все, и пресса о ней заговорит, и на переговорах по стратегическим вооружениям американцам будет уже не отвертеться, не сказать: «А нету у нас никакого аэрокосмического самолёта».

Вполне возможно, что мы с европейцами ещё и своими материалами поделимся. Частично конечно. Пусть их разведслужбы тоже полюбопытничают, напрягутся и против Америки поработают. А ведь поработают. Не все конечно, но вот немцы, французы и итальянцы – уж точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.